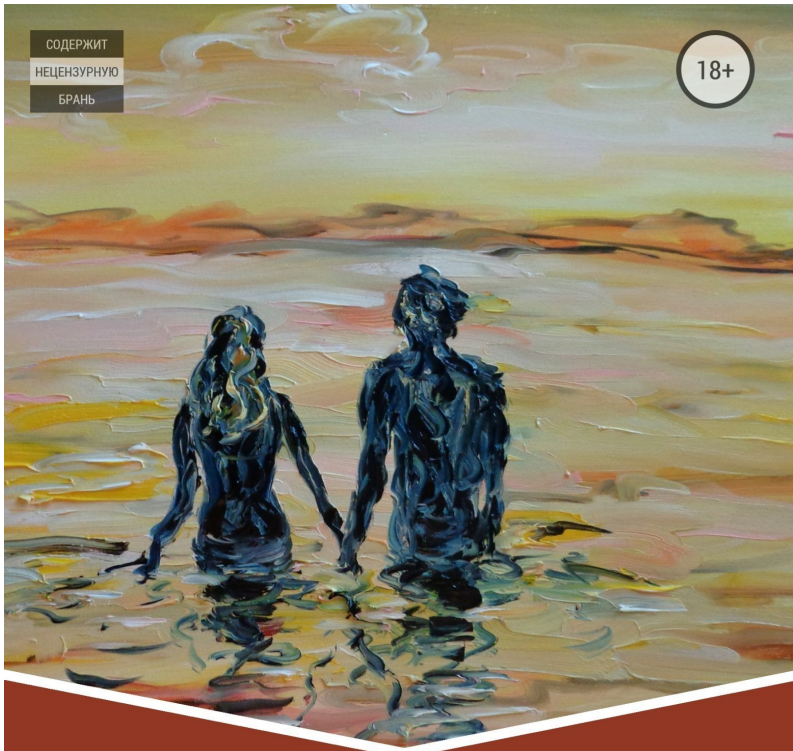

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вера Огнева

Дети вечного марта

Книга 2

Вера Евгеньевна Огнева

Дети вечного марта. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32827529

SelfPub; 2018

Аннотация

Рок, судьба, фатум, случай? Каждый Санькин шаг сопровождают потери. Кажется, только что он нашел своих друзей и все должно быть хорошо, но жизнь устраивает новое испытание. Опять все звезды встали парадом над головой несчастного кота, который и не кот вовсе. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	69
Глава 4	83
Глава 5	106
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Глава 1

– Что за тем холмом?

– Поднимемся, сам, господин кот, всё увидишь.

– А стоит ли, лошади устали.

– Мы только посмотрим, спустимся и – привал. И то сказать, много сегодня прошли, куда гоним.

– Мне возвращаться надо.

– Надо, так надо. Отряд! На высотку, следом! Посмотри-вай!

Рослый жеребец недовольно мотнул головой, но пошёл. Санька слегка поддал ему каблуками. Тот всхрапнул. Кот вспомнил невысокого, доброго нравом конька, на котором до сих пор гонял по княжьим поручениям. Не иначе Пелинор подсунул ему эту рослую скотину, чтобы котяра на голову выше всех гарцевал. И ладно бы на свою, так получалось – на лошадиную.

За спиной цокали копыта. Мужики тихо переговаривались: они тут раньше бывали. Старшина Горюта, вообще, каждый куст знал.

Санька уже с утра собирался разворачивать поиск. Уговорили, посмотреть самую дальнюю даль – угол между Белой пустыней и непролазным приграничным лесом. Он соблазнился.

Сам поход, в который спешно загнал его князь, держатель

границы, оказался не таким напряжённым, как Саня боялся. Шутка ли, впервые пришлось командовать целым отрядом. Но отъехали от крепости на полперехода, встали на привал и будто в Камишер вернулся.

Горюта походил на деревенского кузнеца Алтына шириной, медлительностью, спокойствием и косматостью. Может, тут местность такая, что волос дурниной прёт? Горюта начал было величать командира княжичем. Санька поправил: дескать, кот я. Все слышали? Кот! Старшина поскрёб в затылке, хмыкнул в бородищу и приказал своим величать его господином Александром. Сам же, когда никого рядом не было, без всякой, впрочем, подначки кликал котом, но опять же господином.

За два дня они споро прошли весь восточный участок границы. О каких тревогах толковал князь, для Саньки осталось загадкой. Куда ни кинь – тихая и сонная местность. В редких хуторах приезжим осторожно радовались. Эти места не так давно заселились. Люди, стало быть, ещё жили с оглядкой.

Санька спрашивал, не появлялся ли кто со стороны границы, на него выпучивали глаза. Запад, как оказалось, был местом не просто тихим – глухим. Если раз в десять лет кто сюда и проходил сквозь Границу – ловили медведи. Они, кстати, за всю дорогу ни разу не показались на глаза. Тоже, поди, обленились и страх потеряли. Проверять Саня не собирался.

– Гляди.

Горюта поднялся за ним следом на самую вершину, встал

стремя в стремя и протянул руку на западную сторону склона. Там, за кромкой оврага, сколько хватало глаз, простиралась ровная, как стол, бледная пустыня. То, что Санька в первый момент принял за столбы, оказалось десятком ровных смерчей. Они неспешно путешествовали из края в край, не сталкиваясь, а, наоборот, расходясь друг от друга. За плечом бубнил Горюта.

– А?

– Долго не гляди, утащит.

– Как утащит?

– Никак... Сам пойдёшь.

– Ты, если что, меня держи.

– Шутник ты, господин кот. Эй, там, за нами не подниматься! – крикнул Горюта отряду. – Пусть внизу постоят. Я когда в первый раз сюда залез, чуть не пропал. Ловили потом. Затягивает она. К вашему-то Камишеру пустыня подходит или нет?

– Нет, там Сухое море. Земля черепками потрескалась, если наступить, лезет едкая грязь. Десять шагов и всё – остался без ног. А эта... да, зовёт. Голос слышишь?

– Не-е-ет. А ты?

– Я слышу. Тихий такой, ласковый, как песню поёт, – усмехнулся Саня.

– Давай-ка поворачивать, а то лови тебя потом.

– Не бойся, она не меня зовёт, а тебя.

– Врёшь, поди?

– Зачем мне?

– В неё только первый раз сильно тянет, – пояснил Горюта. – Потом всё меньше и меньше. А ты, значит, слышишь?

– Слышу.

– О! Глянь в другую сторону.

Саня повернулся к Границе. Сколько он о ней слышал? Да, считай, с самого младенчества. И такая она и сякая. Всяк её себе по своему представлял. Но ни одного очевидца пока встретить не довелось. А тут!

С пригорка открылось то, что прежде загораживала стена леса. За сплошным чёрным урманом, заваленным по самые верхушки буреломом, за непролазным кордоном, в который превратился лес, земля словно бы закручивалась в воронку. Саня развернул коня, чтобы лучше видеть.

Или не воронка – котловина, в которой шевелился серый туман? Снизу поднимались гигантские, чёрные с синими подпалинами клубы, кипевшие на поверхности серыми разводами. Изредка со дна выскакивал длинный столб не то пара, не то дыма, мгновение держался в воздухе и рушился вниз. На границе котлована и Белой пустыни дрожала плоская игольчатая радуга. К востоку кипучая серая лава делала изгиб и там уже пропадала за лесным языком.

– Единственное место на всей границе, откуда эту пучину видать, – отвлёк Саню от грандиозного зрелища Горюта. – И то редко. Тут почти всегда тучи, либо туман с нашей стороны

наползёт. Сегодня будто специально для тебя открылось.

Саня резко крутнул головой, даже в шее хрустнуло, и успел заметить, как в бледной радуге не то отразился, не то проплыл насквозь прозрачный купол, миновал радужную преграду, подёрнулся рябью и растаял. Следом вскинулся похожий на руку клоч дима, хотел ухватить мираж, не смог и растёкся кипящей серой лужей.

– Видел, да? – охнул Горюта. – Это она картины показывает. Говорят, и лица выплывают, и звери, и громадины какие-то. Я сам-то первый раз вижу.

Но выглянувшее на минуту солнце уже спряталось в глухой щели между двумя низкими тучами. С запада напозла третья и мгновенно затянула обзор. Остался чёрный лес, да пограничный овраг.

– Ну что, господин кот, поворачиваем?

Постоять бы на холме, подождать и ещё хоть раз увидеть чудо. Отговориться от них, сказать, что догоню...

– Эй, парень, – заволновался старшина, – из пучины тебя никто не кликнул?

– А?

– Я смотрю, ты прям туда наладился.

Горюта спешил и для верности взял Санькиного коня под уздцы.

– Нормально всё. Действительно, пора возвращаться. Не знаешь, кто-нибудь в сторону границы ходил?

– А как же, сколько раз. И по приказу князя, и сами. Бу-

релом одолеть – полдела. Если терпения и сил хватит – справишься. Только не пускает она. Точно ты почуял: вроде и манит, а не пройти. Которые там и оставались. Находили их потом...

– Ясно.

– Ясно ему! Ни хрена тебе не ясно! Стояли они будто у стенки. Которых черви успели объесть – скелеты прилепились. Ясно ему! Эй, там, внизу, поворачивай! Поехали отсюда.

Остановились вёрст через пять. Лошади сильно устали, а так Горюта ещё бы погонял. До самого привала старшина угрюмо молчал. Санька тоже молчал, задавленный грандиозным зрелищем. Только оказавшись в тихом уютном ложе, он почувствовал, что отпускает. Люди начали разворачивать палатки. Кто-то запалил костёр. Только смурной кот ходил стороной, не принимая участия в хлопотах.

– Ты это... ты князю не сказывай про границу. Ну, что я тебя сюда водил, – шепнул ему Горюта.

– Почему?

– Не велел он мне, да я не сдержался.

– А воины твои не проболтаются?

– Эти-то? Нет.

За словом стояла такая уверенность, что Санька, ни на минуту не засомневался. А там и вовсе, отмякнув, занялся обычной повседневной работой, к которой за время стран-

ствий с арлекинами успел привыкнуть.

– Господин Александр, да брось ты сёдла. Мы сами утащим. Иди к костру, Апросим тебе чаю заварил.

– Зачем?

– Не знаю... Князь всегда на привале первым делом садится чай пить.

– Я не князь. Отойди, не то седло на ногу уроню.

– Ну, как заешь.

Суета с шатрами и манатками скоро кончилась. Народ собрался у костра. Кони паслись рядом, далеко не отходили, сторожко прядая ушами. Горюта велел расстелить попоны. Санька с удовольствием растянулся на кошме. За два дня так набил задницу, хоть завтра вообще в седло не садись.

И вроде вырос в деревне, а к верховой езде приучен не был. Тятя на такое баловство смотрел неодобрительно. Другие пацаны катались себе, и ничего. Стоило маленькому Саньке забраться в седло, скотина начинала артачиться. Тятя ругался: ты вроде не волк, а кот, что же она тебя шугается? Годам к пятнадцати это прошло. Но как не привык с детства, так потом и не приохотился. А тут – пришлось.

Попона знакомо пованивала мокрой шерстью, лошадиным потом, горькой травой, которую сыпали от блох. Хотелось лежать и не шевелиться.

Всё возвращалось. Ты дома, вокруг люди, которым ты как брат...

– Господин Александр!..

– А? – Санька успел задремать.

– Есть будешь?

– Давай. Эй, погоди, это что?

– Князь велел тебя отдельно кормить. Колбаса тут, фрукт какой-то. Вино... О, вино!

– Разливай на всех, – скомандовал Саня. – И колбасу режь.

– Как можно...

– А мне похлёбочки плесни. Упрела?

– Упрела-упрела...

– Слышь, господин Александр, что-то ты не больно важный?

– Да с какого бы кваса? Я в деревне вырос. В Камишере.

– А у нас говорят, ты княжеского рода. Зря что ли Пелинор тебя своей племяннице в женихи определил?

Они его стрекали вопросами. А Санька и не думал уворачиваться. Они были почти свои. Почти, как дома. И одновременно в чем-то похожи на арлекинов. Когда вспомнил товарищей, тоскливо засосало под ложечкой.

– Тебе как в наше приграничье пробраться удалось? – перебил общий гомон Горюта. – У нас всяк знает, сюда особо хода нет. Клим, ты из герцогства прибёг, расскажи господину Александру, как добирался.

Мосластый, кадыкастый Клим пустился в пространное повествование. Выходило, вообще чудом жив остался.

– А ты, господин Александр?

Санька понял, они его пытали не ради пустого любопыт-

ства. Вроде и смеются, а в лицах настороженность. Хотя оно и понятно: не сегодня-завтра кот может стать им законным господином. Стало быть, тут прямой интерес: кто таков, чем жив, как вообще сюда попал? Есть и другая сторона: надобно мужикам узнать, нет ли какой лазейки в обход пелиноровых кордонов? Вдруг господин кот нашёл потайную тропку, по которой они, случись нужда, утекут от князя с его медведями. Потому и разговор с Камишера начали. Случись лихое время, они отсюда, с непростой пограничной земли, которая встряла между двух огней, переметнутся напрямиком в чисто людской Камишер. Что там жизнь потруднее станется, то им безразлично. Зато в Камишере над ними не будет ни подлой герцогской власти, ни терпимой, но тяжкой, как медвежья лапа – Пелиноровой.

И ещё он понял – прав Горюта – эти не выдадут. Почему понял? А леший его знает. Раньше бы сто раз перевернул собственную думку; и так, и эдак на неё посмотрел, да и бросил бы за невозможностью решить. Душа к ним лежала. К иным с опаской, а к этим – со всем нашим удовольствием.

– У меня особая дорожка, – начал Саня. – Никому другому по ней не пройти.

– Где один проскочил, там и другой пролезет, – возразили ему вежливо, но настойчиво.

– Не веришь? Спроси Шака или собаку.

– Так они мне и ответили! Конь ещё туда-сюда, а собака твой круче нашего князя смотрит. Я когда мимо него иду,

поротая задница саднит, – хмыкнул один из мужиков.

– А правда, что арлекины детей воруют? – спросил племянник Горюты, ходивший в свой первый рейд, и тут же огрѐб от дяди длинного леща.

– Ты чѐ, ты чѐ дерѐшься?

– Думай, что говоришь, – рявкнул дядя.

– Господин Александр, а ты прямо из Камишера к нам или как? – задал вопрос по существу кто-то невидимый, закрытый костром.

– Я из дому три года как ушѐл. Свет хотелось повидать. Да и вообще... – Санька не желал вдаваться в подробности. Они им нужны? Нет. Значит, пропустим. – На юге не понравилось. В западных землях – не ахти, но жить можно было до недавнего времени. Раньше-то там свои порядки были. Люди и нелюди жили бок о бок даже несмотря на всеобщее герцогское уложение. Кое-где, правда, в города аллари без особого разрешения не пускали. Я такие места обходил. Работал. В Кленяках...

– Знаю Кленяки, – перебил его один из воинов. – Сахар там ещѐ варят?

– Варят... Раньше варили, – поправился Саня. – Сейчас туда герцогская армия пришла.

– Ого! С чего бы?

– Камишер границы закрыл. Решили, значит, жить сами по себе, а герцогу – кукиш. Я как раз к арлекинам прибился. Мы на фест собирались...

– Это что?

– Каждые пять лет арлекины едут в герцогский дворец, показать своё искусство. Герцог выбирает победителей. Они до следующего феста живут в столице при дворе.

– Везёт кому-то, – вякнул племянник, за что схлопотал ещё одного леща.

– Мы к тракту вышли, – продолжал Саня, – там армия, ещё чистюки.

– А это кто? – спросил молодой воин по имени Друз.

– Бандиты, которые на аллари охотятся.

– Ну, это уже совсем не знаю, что... не врешь, господин Александр? – врезался в разговор родившийся в пограничье и не знавший иных законов Горюта.

– Не врёт он, – подтвердил Клим. – Они ещё лет пятнадцать назад объявились. Сначала в столице, как не в самом герцогском дворце. И вроде вне закона, а с другой стороны, никто их особо не ловит... Поганое семя... – Клим замолчал, сжимая и разжимая кулаки.

– Ты с ними встречался? – спросил Горюта у Сани.

– Было.

Теперь пришло время коту уставиться в огонь. Не мог смотреть людям в глаза. И давно вроде было, и забываться уже стало, а всё равно – человека убил. Не просто убил – растерзал. Объясняться – лишнее, не их это дело.

– Это ты от чистюков так удирал, что не помнишь, как в Невье очутился? – у Клима сделалось злое лицо, блики и

тени кривили вспотевший лоб и щёки.

– Ага, – Саня вовремя спрятал руки. Когти начали зудить, вот-вот полезут. Спрятал и спохватился, что зря сторожится: он тут почти уже господин. Пусть бы привыкали. А с другой стороны, покажи он сейчас людям свои руки, удиви, напугай, и замкнутся, отойдут на почтительное расстояние, дескать, спокойной вам ночи, господин княжич, почивайте на перинах, мы уж тут сами...

– У нас в Маке, городок такой к северу от столицы, была слобода, – глядя в огонь начал Клим. – Аллари жили. Овраг обойдёшь, за ним пригорок. Заборчик невысокий вокруг слободы. Мы мальчишками туда каждый день бегали, играли с тамошной пацанвой. Взрослые тоже: то скотина заболела, то птица, то огородная какая надобность – все в слободу. Потом у аллари девушка пропала. Девчушка совсем. Её в лесу нашли... далеко. Мы искали, кто мог, ребёнка... никаких следов.

А потом в овраге наша девушка обнаружилась... тоже истерзанная. Тут, откуда ни возмись, пришёл целый отряд герцогских егерей и всех аллари под корень, до единого.

Я тогда ушёл из Мака. Люди как с ума посходили. Никто разбираться не стал. А некоторые егерям помогать кинулись. Я им: дураку ведь ясно – обе смерти подстроены. Мы же с этими мальчишками росли вместе. Меня слушать не стали, самого чуть не прибили.

Ушёл я, а через год в другом княжестве наткнулся в трак-

тире на компанию чистюков. Они там перепились, разодрались, орали друг на друга. Слышу, наш городишко поминают. Это они... девушек... и так подстроили, чтобы всё свалить на аллари.

– Стало быть, они и на западе хозяйничают? – спросил Горюта.

– Я два раза их встречал, – Саня твёрдо посмотрел в глаза Климу. – Первый раз отогнал, а второй...

– Они тебя?

– Что от них осталось, птички давно склевали! – зло выпалил кот.

Не хотел ведь говорить, само вылетело. Им что теперь и про девку рассказывать, которая на него Законного колдуна натравила, и про рескрипт, по которому всем западным провинциям вменялось искать беглого кота-людоеда, и про то как его в коробе через границу везли, как цыгане к себе звали, про изодранный задок телеги...

– А потом вы, значит, на армию выскочили? – перешагнул старшина трудную тишину.

– Ага. И так от неё рванули, что в Невье очутились. У нас Шак свои тропинки знает. Хочешь, у него спроси.

– Ну, нет! Я к вашему коню и подходить-то боюсь. Посмотрит исподлобья, улыбнётся – душа сама в пятки летит. Вроде обычный конь...

– Он из вольных кланов, – подал голос Климу.

– Откуда знаешь?

– Сам сказывал.

– То-то я смотрю, он в броне – как родился. Воин! – в словах Горюты звучало профессиональное уважение.

– А собака?

– Ха! – опять влез в разговор племянник. – Болтают, что он вровень с нашим князем когда-то летал. Только – фью-ить! – и улетел.

– Последний раз я тебя с собой беру, ботало коровье! – озлился старшина.

– А что я, оно и так видно.

– Видно ему... язык придержи!

– А правду говорят, что арлекины своих девочек по кругу пускают? – спросил кто-то.

– О, ещё один языкатый!

Горюта полез с кошмы. Сейчас дотянется до дурака и примерно его накажет. Но старшина, качнув котелок, глянул на дно:

– Кто недоел, недопил – поздно! Кончай вечерять, спать пора.

Саня испытал даже некоторое облегчение. Отвечать на последний вопрос не хотелось и не могло. Как им объяснишь про Сольку?

Все знают, дриады – вольные женщины. Живут сами по себе, семей не заводят. Да и кто такую возьмёт, боязно. Сегодня она тебе улыбается, песни поёт, а завтра понравился проезжий молодец, и поминай, как звали. С Цыпой – вооб-

ще мрак. В глубине души Санька её побаивался. И жалел. И сторонился. И, несмотря ни на что, понимал: другой такой на свете нет.

На следующий день поднялись едва забрезжило, и пошли без остановок. Саньку будто в спину подгоняло. Он замкнулся, даже по сторонам особо не глядел. Горюта не дёргал, тоже замолчал и только на коротком обеденном привале подсел к державшемуся наособицу коту и немного виновато попросил:

– Слышь, господин Александр, ты зла на моих ребят не держи.

– С чего бы?

– Наболтали они тебе вчера лишнего. Поди, клянут теперь свои языки-то. Князь наш...

Сане было трудно смотреть на то, как умудрённый годами, не обиженный силой и отвагой мужик мучительно подбирает слова.

– Суров, да?

– Ты тут недавно... Князь железной рукой держит приграничье. Под ним вроде не так страшно жить... только и с ним...

– На конюшню что ли отправит? – попробовал Санька смять трагичность Горютиных страданий.

– На конюшню-то ладно, в донжон...

Кот вдруг всей шкурой ощутил сложность и трудность су-

ществования этого понравившегося ему без всяких околочностей простого человека.

Остальные воины нет-нет да посматривали в их сторону. Значит, Горюта – выборный. Старшина! – ему и ответ держать, и шапкой оземь за своих биться, и униженно просить безродного, случайно забежавшего и попавшего в княжеский фавор кота о снисхождении.

– Отряд! – рывкнул Санька, поднимаясь с нагретого задницей камня, – слушай меня. За вчерашний трёп вы не в ответе. Я вас сам разговорил. А кто лишнее в крепости болтнёт, это тебя касается, в сторону языкатого племянника, так и знайте: голову откушу. Есть которые не верят? Нет. Будем считать, договорились.

И только у самой крепости он задал Горюте вопрос, который мучил его всю дорогу:

– Что у князя в донжоне?

Старшина долго молчал. Зубчатая стена загородила полнеба. Заскрипел, опускаясь, поднятый по ночному времени замковый мост. Ещё немного и они разъедутся. Санька пойдёт в княжеские покои, Горюта – в казарму. Кто знает, придётся ли ещё когда откровенно поговорить.

– Отряд! По одному, шагом в ворота пошли! – скомандовал старшина, встал в сторонке и слегка придержал Саньку за рукав.

– Тут, видишь ли, господин кот, народ собрался по большей части вольный. Я князя не виню, что он в замке завёл

крутые порядки. Есть людишки которых другими-то не удержишь. Только...

– Что в донжоне? – жёстко перебил Санька.

– Яма с медведями-людоедами.

Крепость встретила шуршанием. Когда в первый раз Саня въезжал в эти ворота, пряча когти за бортиком Шаковой телеги, встречала изумлением, настороженностью и топорами наголо, сегодня – тихим заспанным шорохом. К старшине, к воинам подходили, заговаривали, уводили коней и самих отрядников. Саню людской поток обтекал. С ним здоровались, даже улыбались, только как-то вскользь. Мелькнёт знакомый, поклонится – «Здоровья, княжич!» – и канет, не дожидаясь ответа.

Санька на заплетающихся ногах дошёл только до середины лестницы, когда дверь с грохотом распахнулась, и на порог вывалился сам хозяин.

– Нелёгкая их разбери! Не разбудили! О! Да ты едва на ногах держишься. Давай, давай, проходи. Бера! Александр вернулся, топи баню.

– Не надо, – отговорился Санька. – Я только умоюсь и – спать, с утра в седле.

– Как там, Граница как?

– Нормально. Никакого шевеления. Тишина, покой, порядок. Проехались туда-сюда без происшествий.

Санька говорил, ощущая ненужность своего отчёта. Князь

внимательно слушал, кивая в такт словам. Но кот-то чуял, что господин хранитель границы также кивал бы, расскажи ему о прошлогоднем снегопаде в Камишере. Кивал бы и поддакивал: ага, ага, я так и думал. Другое дело, что спросить владетельного синьора в лоб, что, мол, происходит, недоставало душевных сил, физических тоже почти не осталось. Засомневавшись уже во всём, Санька решил поспать, а завтра на свежую голову разбираться с предчувствиями и непонятками. Спросил ещё только:

– Шак с Эдом вернулись?

– Нет, – твёрдо ответил Пелинор.

Налетела одетая в свободное домашнее платье Бера, приветливо загудела, затормошила:

– Наконец-то. Может, всё-таки баню?

Санька отрицательно замотал головой.

– Тогда пойдём, Эрика тебе комнату приготовила. Там помоешься и – спать.

Хозяева проводили усталого кота до его новой спальни и только на пороге отвязались. Комната оказалась пуста. Отвёрнутым одеялом подманивала кровать. В дверь тихонько постучали. Санька, помедлив, разрешил войти. Но это оказалась не Эрика. Двое слуг принесли лохань с водой. За ними вошёл третий с подносом в руках. Кот потянул носом. Пахло вкусно, беда только – аппетита не было никакого. Пока он стаскивал запылённую, кое-где порванную одежду, приготовили ванну. Он поплескался, смыл пот и, не дожидаясь

пока вода остынет, вылез из лохани. Полотенце, просторный мохнатый халат, ужин холодным мясом и вином...

Его мутило, как с памятного похмелья. Хотелось швырнуть кувшин с вином о стену, вообще перевернуть стол.

Случилось ведь что-то! Случилось! Он это чуял. Плевать, что пограничье. Пробившееся сквозь пелену нечувствия ощущение беды, скребло кожу и зудило когти.

Саня так глубоко задумался, что не заметил, как в комнату вошла Эрика. Очнулся только, когда она тихонько положила ему на плечи руки. Саня вскочил от неожиданности.

Девушка была бледна, как приведение. Веснушки рассыпались по восковому лицу пыльным горохом. По щекам тянулись непрерывные дорожки слёз.

– Я боялась, что ты не вернёшься.

Эрика уткнулась ему в грудь. Плечи задрожали.

Да что же это такое?! Наваждение, не иначе. Даже в её слезах Сане чудилась фальшь. Граница, мать её! В жизни всё перепуталось, в голове всё кувырком...

Он решил плюнуть. Это всё ночь, усталость, боль в непривычном к седлу теле. Надо выспаться. Ещё чуть и он чего доброго устроит погром во дворце, а наутро окажется, что опять кругом не прав.

Отбросив всяческие мысли и предчувствия, Саня обнял её, погладил по голове и попросил:

– Иди к себе... сегодня... ладно? Я устал.

– Я знаю, – тихо отозвалась девушка. – Я только полежу

рядом, не прогоняя меня.

Ну, как он мог её прогнать? Останется, пусть. Он будет спать!

Санька сбросил халат, забрался под одеяло и закрыл глаза. Голова и всё тело гудели, волнами накатывала тошнота. Эрика осторожно улеглась на краешек, потом тихонько придвинулась, положила руку ему на грудь. Санька машинально погладил. Эрика вдруг вся подалась, припала головой к его виску и разрыдалась в голос.

«Что я могу с собой поделаться, – думал кот, – я её не люблю. Она будет плакать, кричать, молить, а я её всё равно не полюблю. Но почему так горько плачет? Или действительно боялась, что уже не увидимся?».

Опять явились подозрения. Чтобы как-то избавиться от внутренней смуты, Саня потянулся к Эрике. Провалилось оно всё! Рядом женщина, которая его всегда хотела. Будь, что будет.

Эрика вдруг неосознанно отстранилась. Кот заминку отметил... но через мгновение уже спал.

Когда Саня проснулся, было светло. Значит, уже утро или совсем день. Проснулся и лежал с закрытыми глазами. Рядом стлыло пустое место. Женщина встала раньше и ушла. Должно быть, по делам. Сейчас придёт Бера. Саня плотнее зажмурил глаза. Медведица так часто будила его в этом доме, что наверняка не избежать.

Он не хотел просыпаться, а уже проснулся. Что дальше? – завтрак, потом разговор с Пелинором. Потом обед, потом ужин. Потом Эрика. Потом утро взбудоражит Бера... потом сто раз и ещё сто раз. Зачем он только учился счёту? Зачем знать цифры? Много и немножко – достаточно, чтобы жить.

Кто-то вошёл в комнату. Кот уже знал, кто... Бера стояла молча. Только когда миновал длинный-длинный миг, Саня тревожно вскинулся:

– Что случилось?

– Тебя Пелинор зовёт.

Кот вскочил, как только вышла медведица. Всего несколько дней назад его смущал вид нарядной рубашки сервезского сукна и тонких кружев. Сегодня и рубашка и кружева не имели ровно никакого значения. Натянул, тряхнул руками, сверху надел и застегнул на все пуговицы вишнёвую бархатную куртку, пригладил пятернёй волосы. Они всё равно торчали, убрал их с лица и завязал в хвост. Зеркало послушно отразило мощный лоб, скулы, подбородок. Санька пристальнее глянул в почти незнакомое лицо. Было странно, но некогда... внутри всё свербело, в сердце тыкались мелкие иголочки. Он знал, что случилась беда, и уже предполагал, какая именно. Осталось, получить подтверждение у хозяина и господина этих мест. А дальше? Уже шагнув к выходу, он задержался и присел на край кровати, как перед трудной дорогой.

Пелинор сидел в парадной зале. Рядом ни Беры, ни племянницы, даже из стражи никого. Медведище задумался лбом в кулак, не сразу оторвался от своей думки, и только, когда Александр дошёл до середины залы, поднял тяжёлые глаза.

Санька остановился. Вспомнил, как впервые прикатили в крепость, как с перепугу хотелось кинуться на спину, подставляя мягкий живот, чтобы медведь не задрал ненароком. Как пытался унять непонятный внутренний бунт. Тогда Пелинор казался великаном. Сегодня будто стал меньше ростом.

– Разговор долгий будет, – без предисловий начал князь. – Садись.

Креслице стояло рядом с княжеским тронem. Санька представил, как будет снизу вверх заглядывать медведю в глаза, а тот сверху вниз учить котейку уму разуму, и остался на месте. Но Пелинор не разгневался, не зарычал. Откинулся в кресле, ещё помолчал, глядя в светлые глаза парня, и тяжело выдал:

– Они уехали. Стой, молчи! Дослушай сначала. Я тебе врать не собираюсь. И хотел бы, да только хорошего из этого ничего не выйдет. Лучше сразу... я их не отговаривал. У меня на то были веские причины. И не в Эрике дело. Оставим мою семью, не о ней речь. Хотя счастье Эрики для меня стоит не на последнем месте. На, читай.

Князь протянул Сане свиток голубиной почты. Кот с тру-

дом развернул туго скрученную бумажную ленту и вгляделся в мелкие буквы.

«Хранителю границы князю Пелинору.

Земли красных медведей в центральном герцогстве находятся под Нашим постоянным и неусыпным контролем. От Вас, князь, зависит, дождутся ли они своего владельца в целости и сохранности. Спешу Вас уведомить, что внутреннюю границу, отделяющую Ваш участок Невьи от герцогского домена, на сегодняшний день контролируют егеря. Столь серьёзные меры пришлось принять в связи с Весёлым походом. Арлекины распоясались, став угрозой миру и спокойствию государства. Нам стало известно, что, по крайней мере, одна группа просочилась в приграничье. Вам, князь, вменяется в обязанность поимка и выдача арлекинов законным властям. Особое внимание прошу уделить котам. Разыскивается мужчина до тридцати лет. Его необходимо изолировать от остальных и передать в руки легата клира. Легат будет к Вам тотчас по получении от Вас уведомления.

Арий».

Саня поискал глазами, куда деть послание. Свиток неприятно охлаждал руки. Показались когти. Не потянься князь забрать, валяться бы официальной бумажке на полу.

Пелинор смотрел испытующе. А Саня вроде и не удивился. Откуда князюшке знать, что за котом уже не первый ме-

сяц гоняются. Может, и не за ними, конечно, но Сане отчего-то казалось, что за ними. Да и любому бы на его месте, наверное.

– Я показал это послание Эду, – заговорил Пелинор. – Предложил остаться здесь и переждать смуту. Он отказался. Дайрена было не остановить. Он всю жизнь прёт против здравого смысла. Доигрался – бродяжничает. Конь и женщины слепо ему подчиняются. Всё, что я мог – это попытаться уберечь тебя.

– Не испросив моего согласия?

Плечи сами развернулись. Глаза в глаза... и медведь начал наливаться гневом. Губы сомкнулись в твёрдую линию. Побуровел, надвинулся на котейку.

– Против вас вышла вся герцогская гвардия. Будь вы трижды арлекины – не справитесь. У твоих, с позволения сказать, друзей – свои планы. Дайрен вообще всех дёргает за ниточки, как умелый кукловод. Я просто обязан был спасти хоть одного из вас. Тебе судить и тебе решать, прав я или нет. Погоди, я ещё не закончил. В приграничье ты получишь шанс не просто живым остаться, ты станешь моим первым помощником – правой рукой. Власть, Александр, штука не только полезная, но и очень сладкая. Ты её ещё не пробовал. Как распробуешь, за уши не оттянуть будет. Что же касается Эрики, вижу, не всё у вас ладно, но Предками тебя заклинаю, не спеши. Жизнь длинная...

И что тут возражать, и как тут возражать? Куда ни кинь –

Пелинор кругом прав. И что Дайрен личность тёмная – прав. И что впятером им с егерями нипочём не справиться... теперь уже вчетвером.

– Когда они уехали?

– Накануне.

– Что же сразу-то не сказал?

– Ты устал, а важные решения следует принимать на свежую голову.

– Куда они поехали?

– Не знаю, они мне не говорили. Думаю, в сторону соседа подались. Через его земли можно выйти к неохраняемой внутренней границе.

– Шак ходит своими дорогами.

– Ты разве не понял? Конь ничего не решает, Эд всему голова.

Саня вспомнил, как они сидели на поваленном дереве, переживая ужас первого отрыва от погони. Как Эд был напуган наравне с остальными, как конь и только конь принял решение.

Кот позволил себе усомниться, но подозревать князя в преднамеренной лжи не торопился. Сколько Пелинор видел арлекинов? Две с половиной недели. Мог и не разобраться.

Всю дорогу до двери Саня ожидал сановного окрика. Но князь не одёрнул зарвавшегося кота – проводил молча.

За дверью стало как-то легче дышать. Санька привалился спиной к створкам. Глаза невидяще обежали коридор.

Всяко выходило, что медведь прав. А товарищи что: обсудили послание герцога, прикинули, что к чему, и решили двигаться дальше без кота. Подхватят по дороге какого-нибудь бродяжку, с ним и въедут на фест. Мало ли котом шляется по герцогству? Сорвался этот, другой сгодится.

В душе ворочалась колючая, горше соли, чернее чёрной патоки обида: его-то, почему не спросили?

А потому! В герцогской бумажке чёрным по серому написано: особо изловить кота до тридцати лет. И в Кленяхах, и в Венсе ловили. Не его конкретно, просто молодого кота. Вот многомудрые Шак с собакой и рассудили, что не прорваться им на фест с таким балластом: котейку прихватят и им проходу не дадут.

А раз так, он останется. Всем сразу сделает хорошо. Пелинор больше будет о Границе кручиниться, Бера пуще прежнего начнёт привечать котика. Медвежушка реветь перестанет.

Впору удавиться....

В себя привели голоса за спиной. Саня так и стоял, привалившись к двери; рык Пелинора услышал, будто тот ему в ухо бубнил. И надо бы уйти, да с той стороны услышат. Нехорошо получится.

Кот начал потихоньку отлепляться от двери. Голос Пелинора сменился гневной тирадой Беры:

– Что я могу с ней поделывать? Она ревет, целую лужу наплакала.

Это они об Эрике, – подумал Саня, но ошибся.

– Отправь её в дальнюю деревню под присмотр, быстрее успокоится.

– Она требует, чтобы я сказала, в какую сторону увезли Эдварда.

– Собирается его догнать?

– Да, наверное. Зачем ещё?

– Она беременна?

– Нет, думаю, просто влюбилась.

Разговор, определённо, шёл не о племяннице. Тогда, скорее всего, о Сабине, подруге Эда. Кот уже нечувствительно отлепился от двери и на цыпочках пошёл прочь. Прокрался шагов десять, свернул за угол и только тут дошло: Эдварда чего? – Он не ослышался. Бера сказала не «уехал», а именно «увезли». Даже жаром обдало. Жаль, не остался дослушать. Если вернуться, точно, заметят. Но можно попробовать иначе...

Сабина жила в дальнем одноэтажном крыле дворца. Путаясь в переходах, Саня не скоро вышел в сумрачный длинный коридор с одинаковыми дверями, стукнул в первую – тихо. Пошёл дальше, прислушиваясь и постукивая. То ли с пятой, то ли с шестой попытки отозвались. Кот шагнул в узкую темноватую комнатку. На полу, на пёстром коврикe сидела Мата, лошадка, подруга Шака. В руках у девушки топорщилась кожаная безрукавка. Мата прилаживала на неё крупную янтарную бусину. При виде кота девушка подпрыгнула, но ра-

боту из рук не выпустила, наоборот, подняла к лицу, будто закрываясь.

– Я ищу Сабину, – объяснил Саня, не понимая, чем так напугал девушку.

– Её нет, – пробубнила из складок безрукавки Мата.

– Где её искать?

– Не знаю.

– А кто знает?

– Госпожа Бера.

Мата готова была сорваться с места и бежать: она его боялась!

– Ты чего так перетрусил? – мирно спросил Саня.

– Я? Н-е-е-т. Вы не предупредили... я не ждала...

Но безрукавку от лица не отводила. Поведение девушки и отказ сообщить, куда подевали собачку, настораживали. А с другой стороны: получила Бера скандал с Сабинной да и заперла строптивую влюблённую девчонку в чулан. Пусть посидит, успокоится. И лошадку пугнули, чтобы неповадно было.

Уже на пороге Саня поймал момент: Мата отняла от лица своё рукоделие. По всей левой щеке расплзлась синяя опухоль. Раздутое ухо торчало в сторону баклажаном.

– Кто тебя так? – подскочил кот к девушке.

– Я... сама. Я упала на лестнице, – пробормотала Мата.

Из глаз покатались мелкие прозрачные слезинки. Вблизи Саня заметил, что синяк на щеке прочерчен четырьмя глу-

бокими царапинами. Из мокрой ладони девушки выскользнул крупный чистый кусочек полированного янтаря.

Кот решительно зашагал к себе. Нет, сначала в столовую. Время завтрака давно миновало, но оставаться голодным он не собирался.

Там ему быстро накрыли, принесли вина. Отодвинув запотевший кувшин, Саня потребовал молока. Мажордом побежал исполнять без звука. Слуги вообще двигались где-то за спиной. И ни шепотка, ни словечка, даже шарканья слышно не было. Его окружили глухой стеной. Достучаться? А не появятся ли завтра на лицах не в чём не виноватых людей отметины наподобие тех, что сегодня он видел у Маты? Осталось последнее средство для разрешения нехороших сомнений: пойти и поговорить с Эрикой.

Медвежушки на месте не оказалось. Сидела же постоянно в своей комнате, слёзы точила. Куда её только леший унёс?!

– Ты кого-то потерял?

За спиной стояла Бера, спокойно и приветливо глядя Сане в глаза.

– Да вот хотел... Эрику прогулять.

– Давай, я тебе компанию составлю...

– Пойдём.

Они ушли в дальний конец двора, туда, где курчавился маленький садик.

– Я сама его посадила, – похвасталась медведица. – Хотела побольше развести – не получилось. Ни сил, ни времени не

хватает, столько забот. С одной прислугой с ума сойдёшь. Девчонки мои вчера передрались.

– Кто?

– Сабина с Матой. У одной голова разбита, у другой физиономия исполосована. Ревут, каждая в своём углу.

– Что это они?

– Бабские дела! Я особенно не вникала. Их, главное – во время растащить. Остынут, помирятся.

– А... – протянул Саня.

Кто б спорил! Разумеется, бабские. Только те полосы, что кот разглядел на щеке Маты, субтильная лапка Сабины ни почём не могла оставить, разве вот эта, большая, холёная, покрытая светло-золотистым пушком.

Бера придержала Саню за локоть и кивнула в сторону круглой беседки:

– Пойдём, посидим.

– Пойдём, – безразлично согласился кот, впервые с приезда в медвежью крепость поймав себя на том, что совершенно не хочет Беры. Всякий раз, когда сталкивался с ней в тихом переходе или в светлой, заполненной людьми столовой, внутри дёргался голый нерв, растравляя воображение. Присутствие Беры щекотало, заставляло постоянно оборачиваться в её сторону, чувствовать её рядом. А сегодня – ушло.

Над беседкой растопырилось дерево с широкими тяжёлыми листьями. Сквозь них почти не проникало света. Всего пара-тройка солнечных пятнышек лежали на столике, да на

полу под ногами. Саня задрал голову. Поймал глазом воро-
вато прокравшийся в полумрак луч. Если смотреть, сильно
сощурившись, он дробился на мелкие разноцветные волос-
ки. Саня так в детстве забавлялся.

Глазу стало жарко. Кот крепко зажмурился.

– Бера, что тут произошло? Я же чувствую...

– Эд сцепился с Пелинором. Я не знаю, с чего началось.

Застала уже конец свары. После того, что Эдди наговорил
Владу, он просто не мог остаться в крепости. Я давно не ви-
дела Пелинора таким разгневанным. Он рвал и рычал. Эд-
вард выбежал из зала злой, даже губы побелели. А через час
они с Шаком объявили, что уезжают. Прости, если тебе бу-
дет неприятно это слышать, но...

– Что?

– Я спросила, как они собираются въехать на фест без
кота. Эд сказал: обойдутся, что от тебя одни неприятности.
Что, наоборот, одни они скорее доедут. Думаю, не послед-
нюю роль в такой поспешности сыграло послание герцога.
Ты стал угрозой всего Эдова предприятия. Он, если не зна-
ешь, не первый раз собирается в герцогский домен. Для ал-
лари уже много лет туда закрыт свободный въезд, только во
время Весёлого похода... вот Дайрен и решил всё и за всех.
Прости его... У него страшная судьба.

– Ты о чём?

– Это не моя тайна. Эдди сам строго настрого запретил
рассказывать о своём прошлом кому-либо. Скажи, много он

тебе говорил о своей жизни?

– Нет.

– Прости его, – повторила Бера. – И, если можешь, помирись с Эрикой.

– Я с ней не ссорился, – сухо откликнулся Саня.

– Я всё понимаю... – Бера говорила, отвернувшись в сторону. В её раскрытой ладонке золотой лужицей плавало солнечное пятнышко. – Можно ведь и так: вы с Эрикой заключите союз, а если не поживётся, разойдётесь. Клянусь, никто не станет тебя удерживать.

– Зачем тогда всё это?

– Пелинор требует соблюдения законности. Не скрою, да и чего, собственно, скрывать уже: у него очень серьёзные планы, далеко идущие. Но нужны сподвижники. Став мужем Эрики, ты получишь Родственное право. Влад, видишь ли, считает, что одной преданности делу недостаточно. Став членом семьи, ты получишь долю в богатстве Пелиноров. И заметь, невозвратную долю.

Вот он – бассейн с проточной водой, вот – золотые горы на шёлковых коврах, вот – рубаха, да не цыганского атласа – сервезского тончайшего полотна. И кружева до полу!

– А герцог позволит?

– Ха! Когда большая часть людей из герцогского домена перебежит в Невью, а в княжествах начнётся бунт, герцогу останется только уповать на милость Влада.

Бера ушла, а Саня так и сидел в прохладной беседке время от времени, прихлопывая ладонью прыгающих с места на место солнечных зайчиков. Ветерок шевелил широкие, позванивающие от собственной тяжести листья. Стрекотали в стороне кузнечики.

Голова была тяжёлой. Мысли не хотели вставать строем, копошились, переливаясь, будто тяжёлое липкое масло. С ним уже один раз такое было...

Мамка катала по столу тесто. Тятя заходил и выходил, непривычно тихо притворяя за собой дверь. Сестрёнка сидела рядом с Саней, привалившись с боку, и только вздрагивала, уже отплакавшись.

Саня разминулся с женой, которая пять дней назад отправилась на лесной рубеж проведать старшего брата и мужа заодно. А коты ни раньше, ни позже отпустили домой на побывку.

Только что завершилась страшная по своему напряжению ловля. В одном месте сразу прорвались молоденький, глупый и добрый эрх и пара двуногих ящериц, ростом поменьше, но страшно свирепых и прожорливых. Эрх размахивал хоботом, вставал на задние ноги, но удержаться на них не мог, падал, проседая головой до земли. Голодные ящеры кидались, норовя ухватить его за мягкие заушные складки. Другого уязвимого места у великана не было. Даже задницу при-

крывал щиток из костяной брони. Вымя у самок пряталось среди твёрдых костяных чешуек.

Эрху, маленькое неразвитое вымя не сразу разглядели, было жаль. Из-за правого уха уже текло, пятная кусты и траву. Но и подступиться, да просто отогнать двуногих говнюков никто пока не решался. Те шли нахраписто, цепляя когтями корни и выворачивая маленькие деревца. В стороны метались толстые шипастые хвосты. Брат Лильки, Яген, изловчился и кинул копье. Оно ткнулось хищнику в челюсть, но не убило, а застряло. Одной лапой зверь пытался дотянуться до болезненной помехи, другой норовил ухватить Эрху за лопушастое ухо; подпрыгивал, щёлкал челюстями.

Саня метался у самострелов. Недавно один умелец сообразил, как изготовить большие метательные машины. Деревянные части скрепили железными шкантами, отковали и привезли несколько коротких дров. Только станины ещё не успели подвести. Умелец предложил поставить самострел на вертящуюся площадку. Место для машин определили между двух скалистых выступов. Никто не знал, почему жители Дебрей валили именно в эту щель. Но им тут готовился надёжный заплот. Если раньше люди обходились только ловчими ямами, да рукопашным боем, на будущее предполагалось закрыть весь участок самострелами. Знай, наворачивай пружину на ворот, целясь и дави хитрую спусковую педаль.

Но то в будущем!

Это самое будущее не только для молодой глупенькой эр-

хи, но и для людей сделалось вдруг туманным и совсем не обязательным. Одна ящерица ещё трепала эрху за жёсткое ухо, стараясь пригнуть к земле и дотянуться до мягкого. Вторая, развернувшись, побежала на защитников рубежа. А бегала он, как оказалось, очень и очень быстро. Двое не убереглись. Остальные кинулись врассыпную. Санька ужаснулся. Ящерица была и всего-то на голову выше самого высокого человека, но хлебальник – мамкина прялка – влезет. Самострел лежал на боку, как раз приготовили устанавливать. Санька схватился за дрот – тяжёл, и коротковат – ни метнуть, ни в ближнем бою отмахаться.

Пока кот метался, кто-то из защитников рубежа удачно кинул копьё, оно застряло у зверя в ноге. И началось! Заревев не хуже эрхи, ящерица пошла широким кругом, заматывая по пути хвостом. Ещё один человек попал под удар. Ящерица его тут же словила короткими передними лапами и потащила в пасть. Санька этого мужика знал и, увидев, как его сначала разорвало, а потом и вовсе разжевало, сам взвыл в голос. Под ногами валялись бесполезные тяжёлые копья, коленчато изгибалась издевательски аккуратная самострельная машина.

Чем её поднял Саня? Не иначе единой ненавистью к прожорливой безмозглой твари, которая ещё немного и до него дорвётся, потому что остальные защитники убралась за линию ловчих ям. Её потом, конечно, загонят на колья. Только коту и раненой, орущей дурным голосом эрхе оно будет безразлично.

Но поднял, в запале даже не удивившись неизвестно откуда взявшейся силе; пристроил толстое копьё в паз, намотал струну на ворот, ещё подвернул самострел и вдавил педаль до упора.

Кто не видел, потом нипочём не верил, что на одно копьё насели сразу две зверюги. Так получилось, что и вторая, бросив эрху, понеслась ловить защитников рубежа. Повезло Саньке, как никому ещё не везло в Камишере, – одним выстрелом избавиться от двойной напасти.

Кот откинулся головой на стенку. Сестрёнка пошевелилась, всхлипнула. Санька не винил раненую эрху, которую отвели в большой загон.

Молодых эрхов старались побережь. Они легко приручались и жили потом бок о бок с людьми, работая по хозяйству не хуже волов.

Явившись на рубеж и повидав брата, Лилька пошла на дальний кордон, где нёс службу Санька. Не один и не двое набивались к ней в провожатые. Только она всех обсмеяла, хуже – обхитрила, дурочка, и по тропинке убежала искать мужа одна. Шла так, шла до самых сумерек, да и сбилась с торной дорожки. А когда в темноте набрела на загон, даже обрадовалась, пролезла между широко поставленными кольями и заторопилась напрямик. Говорят, несколько раз успела крикнуть, позвать Саню...

Эрха была не виновата: Лилька напугала глупую ранен-

ную скотину, и та её затоптала.

Мамка бросила скалку, подошла к Сане:

– Водички тебе принести?

– Не хочу.

– Сыночка...

Мамка села рядом, прикорнув головой к его плечу. Сестрѐнка опять всхлипнула.

– Уйду я, – не открывая глаз, сказал Саня. – Иначе так и буду ждать, когда дверь откроется, и Лилька в горницу вбежит. Утром шаги во дворе услышал...

– Это Олюшка прибежала, ей как раз вчера пять исполнилось. Во дворе меня поймала и говорит, пусть, раз сестрѐнки больше нет, дядя Саня теперь на мне женится.

– У-у-у... – взвыл Санька. Мать обхватила его за плечи:

– Иди сыночка, белый свет посмотри. Может, родную свою кровь где встретишь, только нас не забывай.

– Мамка, зачем люди любят друг друга?

– А зачем они дышат? От Бога оно. Перемоги, сыночка, и новое дыхание откроется. Только нас не забывай...

Глава 2

По зелёному бархатистому сукну в беспорядке валялись книги и всякие безделушки, включающие государственную печать; на самом краю в критической точке балансировал тонкий стеклянный кувшин с остатками вина.

Вчера герцог позволил себе выпить сока виноградной лозы, о чём жалел и по сей момент. Наутро, после даже незначительного возлияния, его начинала трепать жуткая депрессия, мир погружался в пучину. Хотелось, не поднимаясь с места, одним мановением крушить и ломать. Ещё лучше – мучить. И смотреть в глаза жертве, дабы убедиться, она тебя видит и ненавидит. Тех, кто быстро ломался, Арий уничтожал немедленно. Тех, кто сопротивлялся, герцог тянул, как дорогой напиток – по капельке. И уже полным торжеством, означающим выход из перманентной депрессии, было, когда такой упрямец падал к ногам своего палача, умоляя о пощаде или, что практически одно и то же, о смерти.

«Как ещё мало он правит, – уныло размышлял Арий, – всего каких-то двадцать лет. За такой короткий срок невозможно вытравить у людей привычки к сонному, тухлому отвратительно пресному существованию, когда всё заранее известно, когда кругом мир благодать и ласковый покой. Не разверзнутся небеса, не обрушится на беспечную голову смерть. Не прогремит завораживающее слово герцога, и,

как родился, так и будешь копошиться в собственном углу. Да, разумеется, украшая, да, разумеется, прикипев сердцем к покою, уюту и бесконфликтности существования. К аллари-господину, которого любишь или хотя бы терпишь.

Как можно проникнуться любовью, да просто доверием – к нелюдю!? Разве можно вообще хоть кому-нибудь доверять? Должно трезво мыслить, прогнав морок покойного приятия жизни и призвав в судии режущий нерв смерти...

Он никогда не подпадёт под очарование нелюдей и самой земли, вскормившей аллари. Она их не рождала, но приняла ведь, не отвергла. Как впрочем, и людей...

Крен, герцог Арий знал, что аллари проникли сюда из другого мира, оседлав поток межпространственного вихря. Они убегали от людей! Нелюди! Неполюценные, недостойные жить существа!

Пора было остановиться. Накрути он себя ещё немного и ведь побежит в подвал. Там в путанице катакомб пряталась камера пыток, в которую водили неугодных. Наружу из них не вышел ни один. А жаль, между прочим. Пойди молва гулять сначала по переходам замка, потом по городу, а там и по всему герцогству, его, Ария, ещё больше бы стали бояться. Но ему это пока запрещено. Ему! Герцогу!.. и запрещено.

Сознание не желало мириться с таким унижением. Однако Дух Башни, обитающий в вязкой темноте, единственной комнаты верхнего яруса, к которой вела лестница в сто двадцать девять ступеней, имел пока над герцогом неограничен-

ную власть.

Внезапный неистовый гнев толкнул кувшин. Вино плеснуло внутри синего стекла. Сосуд накренился, но не упал, а, пролетев с метр по воздуху, вдребезги расшибся о лазуритовую колонну. Когда же, наконец, можно будет избавиться от этого пронзительно-синего камня! Вино кровавой лужей растеклось по полу.

Под всеми четырьмя колоннами по мрамору змеились тёмные разводы. Вино впитывалось в пористый камень, не желая отмываться. Герцог нещадно наказывал слуг, но они просто не могли – все, как один, стоя на коленях, клялись, нет, сначала драили мрамор, стирая руки в кровь, а потом клялись, что отмыть вино невозможно – и действительно не могли, ему ли не знать. Наказывая людей за якобы нерадивость, он тем самым избывал свою ненависть к аллари и презрение к людям.

Крен, герцог Арий, был ни то, ни другое. Он был единственным в своём роде...

Не единственным! Это – второй после наличия Духа Башни момент, вызывавший ту самую перманентную депрессию. Кроме него где-то жили ещё двое. Все они – дети одного отца. Брата Крен немного помнил. Сестру – нет. Но точно знал, что они оба живы и имеют сношения с Духом.

Отец им тоже отдаёт приказы? И они так же дрожат и испытывают страшное унижение? Или, наоборот, благоговей, ползут в темноту на брюхе, чтобы вернуться счастливыми, с

подачкой в руках? Или в лапах? У брата были тоненькие полупрозрачные кисти с аморфными пальчиками. Потом они превратились в нормальные человеческие руки.

Воспоминания смущали и заставляли опасаться давным-давно исчезнувшего из его жизни родственника.

Своего отца Солара Арий чаще именовал Духом Башни. А людям подсунул, как бога Светоноса – замечательное, несущее надежду имя! Отец в очередной визит изволил подать по этому поводу одобрительный смешок.

Арий не мог сбросить со счетов существование брата и сестры, о которой, кстати, вообще не знал, где она и кто, но не оставлял надежды найти и уничтожить. Если Дух позволит... и если сестра не найдёт его первой. Кто знает, какие способности имеются у этой неизвестной ему суки, вышедшей из непарной с ним икринки. Её пару мать успела съесть. Нет бы, ей поторопиться, и слопать ещё одного. Дух опередил...

Герцог раздражённо огляделся. Всё в зале напоминало прежних властителей. Аллари, уже практически объявленные проклятием герцогства, некогда тут были господами, опорой и сутью. Они и сегодня, дай им волю, остались бы сутью и продолжали безнаказанно и бесконтрольно черпать могущество в силовом поле континента.

Дух считал, что тем самым они ослабляют ментал, следствием чего в недалеком будущем явятся катаклизмы, способные уничтожить сам материк, а значит и людей. Случись

такое, Арию тоже не останется места в действительности.

Крен всегда верил Духу, однако... что-то тревожило в столь безапелляционной позиции; мерещился некий второй план, который Солар старательно скрывал от своего сына, одновременно заставляя его насаждать новый божественный культ.

Для чего?! Арию катастрофически не хватало понимания мотивов Солара. Спросить по понятным причинам он не мог, в умозаключениях зашёл в тупик, искать же ответа у людей... он что, свихнулся?

Несмотря на все его усилия, люди по примеру аллари в большинстве своём как почитали, так и почитают предков. И ещё долго будут. Хотя сам Арий демонстрировал им чудеса, посланные якобы богом Светоносом. А почему, собственно, якобы? Всему, что умеет, сын научился у отца.

Опять колыхнулось мучительное беспокойство: а вдруг Солар, как подачку, кинул ему маленькую толику знаний, отвалив неизмеримо большую долю двум другим детям? Оставил их в резерве, чтобы, случись в том надобность, не оправдай Арий ожиданий, сбросить его со счетов и ввести в игру свежие фигуры?

Крен проделал огромную работу. Он изворачивался, вдохновенно лгал, влезал в доверие к высшим аллари, подкупал мелких сюзеренов, а за их спиной запугивал людей. Иногда сил совершенно не оставалось. С помощью хитрых приёмов, которым научил Дух, можно было добиться много-

го, но не всего!

Крен часто стоял на грани поражения. Иногда ему приходилось отступать, затаиваться, чтобы потом начинать всё с начала. Он многого добился сам. Сам, что бы там ни толковала ему вязкая темнота! Он забрал всю власть в герцогстве. Столица его боготворит. Люди носят на руках. Заложен новый храм Светоноса...

... и беспокойство, которое заставляет пить по вечерам, а утром по крупичам собирать силы, дабы не сорваться, не загрызть кого-нибудь походя.

Он сейчас поднимется и пойдёт в пыточную, иначе свихнётся. Хотя... есть один человек, с которым можно поговорить. Он безопасен. Скоро Арий от него избавится.

* * *

Игорь шёл коридорами дворца. Стражники поднимали руки в приветствии. Пара в плащах с копьями у плеча одинаково отсалютовала. Движение отразилось в гладкой полировке стен. У дальней двери следующая пара вскинула руки. Салют, поворот, салют, поворот...

Он свернул в тупик, сделал ещё несколько шагов и уткнулся лбом в холодную гладкую стену. Надо было перевести дыхание. Иначе...

А что собственно «иначе»? Что ты можешь сделать? Куда побежишь? И надо ли?

Герцог обещал возвращение. Он может вернуть его домой. Игорь был свидетелем настоящих чудес, которые тот творил. Но не возвращал. Тянул, отговариваясь, неподходящим временем, обстоятельствами, погодой...

Или он не может? Тоже много раз себя спрошено, поскольку ни герцогу, ни кому другому такого вопроса не задашь. Только заикнись, не исключено, отправят тебя прямоком в подземный каземат. Никто почти о нём не знает, разве что стражники, которые там и живут. Но если стражник начинает возмущаться, – даром, что все они немые, – его самого заводят за толстую окованную железом дверь.

«Так и меня, когда-нибудь, – подумал Игорь, распластавшись грудью по холодному камню. – Убить намного проще и дешевле, нежели отправлять или переправлять, или, что там Арий обещал, через временнопространственную преграду. С печи до порога – вот и вся дорога.

Но другой возможности вырваться нет. Никогда уже не будет!».

Ещё колеса по дорогам герцогства в компании Апостола и двух рабов, Игорь заподозрил, что возврата нет и быть не может. Аборигены не знали пути из этого мира вовне. Они вообще не имели чёткого представления о существовании каких-либо иных миров.

Да, была Граница, но что за ней, никто не ведал. Возможно, учёные мужи Сарагона могли помочь Игорю. Шаку тоже

надо было попасть в университет. Они ехали и строили планы.

А потом случилось страшное и необъяснимое предательство, разрушившее не только жизнь, к которой Игорь начал помаленьку привыкать, разрушившее веру буквально во всё.

Человек, которому Игорь безоговорочно доверял, не просто предал – подставил Игоря и ещё двоих людей под верную смерть, спасая тем самым собственную шкуру.

Ах, да, не человек, разумеется. Арий потом неоднократно поправлял Игоря. Не человек! Запомнил? Они нелюди. Они ненавидят людей, считают их ниже животных. А что так долго таскал тебя за собой – военная хитрость. Твой конь прекрасно знал, что его брат беглый каторжник и что, взявшись ему помогать, он сам становится вне закона, вот и прикрывался доверчивыми людьми, как щитом.

Арий нашёл Игоря, когда тому оставалось всего несколько вдохов до последнего полного и вечного отдохновения. Но герцог против всякой логики не убил человека, оказавшего яростное сопротивление его солдатам, наоборот, велел лечить. Только когда Игорь окончательно пришёл в себя, герцог рассказал ему всю правду. Не просто рассказал, привёл свидетелей.

Игорь сопротивлялся очевидному до последнего. Однако личность Ария и его неповторимое обаяние сделали, в конце концов, своё дело: Игорь поверил, а поверив, стал служить герцогу верой и правдой. Тем более... тем более, что Арий

туманно намекнул, дескать, при определённых обстоятельствах попытается вернуть его в собственный мир.

Как же это было давно! Игорь сначала уверовал вполне и безоговорочно, безоглядно. Перед глазами каждый день творились настоящие чудеса. Их можно было потрогать руками. Их видели все. Через такое не перешагнёшь, не выкинешь за плечо, не отплюёшься. Оно есть и заставляет тебя уверовать не только во всемогущество, но и в... непогрешимость чудотворца.

«Не поздно ли спохватился? – хмыкнул Игорь. – Тогда надо было сомневаться. Что сейчас-то по прошествии без малого двадцати лет оглядываться, а пуще, руками махать?».

Плечи безвольно опустились. Холод камня проник внутрь. Тряхнуло ознобом. Стоило поторопиться. Герцог не любил ждать. А по утрам он бывал не просто раздражён – невыносим.

«На кой ляд нарываться, – вяло подумал Игорь, – если в дальнем крыле замка ждёт аккуратная холостяцкая комната? Размеренная жизнь, порядок...».

Игорь оторвался от стены и, чётко развернувшись, двинулся в парадный зал, куда его каждое утро вызывали для доклада.

– Разберись, – буркнул Арий, двинув к нему горку тонких свитков. Игорь подошёл, начал разворачивать исписанные микроскопическими буквами послания голубиной почты.

Этот человек первое время даже забавлял герцога. Он тогда был пёстрый, как яйцо кукушки. Пёстрый и лысый. Но забавляла не столько его экстравагантная внешность, сколько младенческая, даже какая-то болезненная доверчивость. И до восшествия на престол и после Арий имел возможность убедиться в силе собственного обаяния. Однако Игоря он считал своим особым достижением. Уверовав во всемогущество нового хозяина, человек выболтал ему всё не только о своей жизни там, в другом мире, но и тут. Не напрягаясь, Арий обогатился новыми знаниями о змеях, о восточных окраинах герцогства, о многих своих эмиссарах, – нужно ли говорить, что часть из них незаметно исчезла, а им на смену пришли новые, куда более жёсткие; о западных соседях, наконец. Соллар не баловал сына откровениями. Разведка при прежнем герцоге была поставлена из рук вон плохо. Да и зачем аллары было содержать и совершенствовать разведкорпус? Они больше полагались на чутьё.

А человек их всё равно переиграл!

Игорь разбирал последние свитки. Герцог немного расслабился на своём троне. Старый арихалковый он распорядился задвинуть далеко в угол, объявил реликвией и даже близко старался к нему не подходить. Боялся? Ничего подобного! Он его не боялся! Старая вещь. Руками не трогать!!!

«Придётся или нет спуститься в пыточную», – размышлял Арий. На минутку вроде отлегло, но вновь накатило зудящее между лопаток раздражение. Или начальник замковой стра-

жи успел разозлить своей медлительностью?

«Этот, пожалуй, продержался дольше остальных», – в который раз постарался остудить себя Арий. Все люди, когда-либо стоявшие у трона, успели рассредоточиться по эту и ту сторону бытия. Причём на ту сторону герцог отправлял с большей охотой. Иногда приходилось, смирив неприязнь и даже ярость, улыбаться и дарить бывшему сподвижнику очень и очень отдалённые земли.

Игорь поднял от бумаги недоумённый взгляд, потом наклонился над листочком и ещё раз перечитал.

– Что там? – нетерпеливо крикнул герцог.

– В этих – отчёты, ничего особенного. А тут всего несколько слов...

– Читай.

– «Он в Невье, – запинаясь, начал разбирать буковки Игорь. – С ним тот самый конь и какой-то собака».

Герцога внезапно сорвало с места. Он выхватил из рук начальника стражи записку, глянул на две неровные строчки, и будто влекомый ветром прошелестел мантией вдоль первого ряда колонн. Игорь давно не видел синьора в таком возбуждении. С пальцев Ария срывались мелкие белые искорки. Вокруг светлых выющихся волос потрескивали разряды статического электричества. Пробежавшись, герцог встал и обернулся: на лице ни кровинки.

– Что ещё?

– Ничего, – развёл руками Игорь.

– Иди.

– Какие будут приказания?

– Убирайся!

Игорь развернулся и, печатая шаг, двинулся мимо непонятно чем обозлённого правителя. Высочайший гнев его больше не пугал. За время службы он успел хорошо узнать привычки и повадки герцога. Кровавую пакость тот мог учинить в расслабленном состоянии, закинув в болоте депрессии. Когда ситуация требовала мобилизации, Арий оживал, превращаясь в умного, чётко мыслящего, деятельного и крайне рационального человека.

– Стой! – хлестнул в спину начальника замковой стражи окрик. – Командира егерей, интенданта, обоих тайных советников и председателя Клира ко мне! Хотя, нет, этого звать не надо. Иди.

За порогом залы Игорь первому же караулу приказал бежать с поручениями, а сам пошёл на голубятню.

На кой ляд, спрашивается, ставить стражников на каждом углу? Куда ни повернёшь, везде торчит парочка на случай, если начальник внутренней охраны измену замутит: а вот и мимо. Если означенный начальник и задумает что недоброе, герцог наш, Его Светлая Светлость, тут же унюхает. Странно опять же: человек, а чутьё, как у нелюдя. А как последних аллари в герцогстве повыведет, вообще один такой останется. Ещё башня... зачем он туда бегает? За директивами, что ли? Туда несётся – в глазах страх. Обратное шествует – пол-

ная уверенность в завтрашнем дне. Однако Игорь давно заметил, что посещения башни даются герцогу очень и очень трудно, будто на верёвке его туда тащат. И верёвка та наподобие колючей проволоки.

Но магия-то у него настоящая... как и та, с помощью которой Шак повозку над океаном прогнал и вынырнул в овражке на границе центрального герцогства и воинственного Аллора.

Ненависть, недоумение, чёрная обида – трудно сказать чего больше бродило в душе Игоря, когда он очнулся, и выяснилось, что Шак их бросил, подставив под удар егерей. Два года вместе; из таких переделок выходили, какие только в авантюрных романах в родном мире встречались. Где тот мир? Где те романы?

На сегодня жизнь затерянного в пространствах человека, имя которого и произносят-то тут, не смягчая, сама похожа на роман. Это если смотреть со стороны. А если изнутри – рутина, скучная до зубовного скрежета и в тоже время опасная, как хоровод с волками.

Однако он к ней успел привыкнуть. Ведь чего боялся, когда шёл на утренний доклад, правильно, что отправят в пыточную. Отсюда и мысли о возвращении, о невыполненном герцогом обещании, о бренности нынешнего существования. Миновала опасность, и сразу в глаза полезли, бестолково натыканные по углам часовые.

Вообще задумываться о своём житье-бытьё Игорь начал только в последние годы. Первое время все силы уходили на выживание. Необходимо было продержаться до обещанного возвращения. Потом он привык. В его жизни мало что происходило. Он практически не покидал дворца. С утра ждали служебные обязанности, развод караулов, отчёты, проверки. Голубиная почта тоже была в его ведении. Все силы уходили на наведение хоть какого-то порядка в дворцовом хозяйстве.

Прежний герцог придерживался либеральных взглядов. Все службы дворца жили и работали в пределах традиций. И как-то ведь справлялись. Игорю трудно было представить, что бы тут началось, отмени он ежедневные разводы и отчёты, да людишки бы к обеду разбежались. На поварне устроили бы пьянку. На конюшне – вертеп. Голубятня ещё! Хотя там Игорь давно уже пристроил своего старого товарища по скитаниям. Сун что в рабах, что в птичниках оставался точным и прилежным до занудства.

Или при герцоге аллари всё во дворце вертелось, подчиняясь примитивному зову совести? Нет, не могло огромное, сложное дворцовое хозяйство, все как один, следовать чистым душевным порывам. Людьюми всегда правил страх, а управляла корысть.

Или сейчас правит страх, а прежде что-то другое? Игорь вспомнил, как они выходили с Шаком из лесов, как давали первые представления в затерянных городках, в тёмных деревьях. Как им было весело, страшно, голодно и тревожно.

но. Как однажды попали в деревню изуверов и все бы погибли, не явись им спасением неуклюжий толстый застенчивый Ири. Шак тогда до утра погонял, отрываясь от страшного места, а после чуть не прибил Игоря за то, что тот назвал его Апостолом, но выпросил, понял и даже принял новое имя.

И тот же Шак с холодной расчётливостью послал своих товарищей на смерть!? Но герцог же привёл свидетелей. Они подтвердили: конь загодя подготовился к встрече с братом, оставил Игоря и двух бывших рабов отвлечь егерей на себя, а когда запахло жареным, ушёл в свободный прыжок, забыв о товарищах, вернее, предоставив выкручиваться самим.

Спасибо герцогу, не отдал палачу, даже оставил при себе, позволив отслужить...

Сун чистил лотки для корма. Он состарился. Плосковатое, смуглое лицо напоминало кусок мятого пергамента. Светлые раскосые глаза слезились.

– Здравствуй.

– Здравствуйте, господин начальник, – поклонился бывший раб.

– Да брось ты.

– Господин начальник хочет получить отчёт?

– Нет, я просто так зашёл. Как живёшь?

– У меня всё хорошо.

– От Ири есть вести?

– Да. Он прислал привет на словах и пирог. Пирог дожидается Вас, я его сейчас принесу.

Сун вышел, протопал вниз по лестнице, потом вверх, плечом открыл дверь, и предстал перед Игорем с небольшим плоским пакетом, который торжественно держал обеими руками.

– Когда пришла посылка?

– Три дня назад. Я просил, чтобы Вас известили.

– Я ничего не знал.

– Ему не передали. Забыли, должно быть.

– А кого ты просил?

– Вашего второго заместителя.

Тогда, понятно. Мерик абсолютно на всё испрашивал позволения у герцога. И не лень ему было за каждой чепухой бегать в парадный зал и ползти, елозя на брюхе, к трону. Мерзковато, но герцог его не гнал, значит, так положено. Не исключено, Арий даже гневается на самого Игоря за отсутствие должного подобострастия.

Игорь развернул несколько слоёв плотной бумаги, откинул в стороны листья мананы, в которую заворачивали продукты для длительного хранения, и увидел небольшой, в две ладони, но пышный, румяный пирожок.

Ири, перебивающийся в первое время при дворе, уже лет пятнадцать как обосновался в отдалённом княжестве, обжился, приспособился к новому хозяину, дослужившись до шеф-повара. О себе он много не распространялся: жив, здоров, чего и вам желаю. Как дела, как здоровье Его Превосходительства Начальника Внутренней Стражи? Всем привет.

Сун отвечал примерно так же. То был не обмен новостями, а, фактически извещение о том, что они пока живы.

Интересны ли они Игорю? Разумеется. Только эти двое сохранили память о недолгих годах свободы на земле аллари.

Игорь не впервые мысленно так именовал герцогство, и каждый раз вздрагивал. Давно и прочно укоренилось: аллари – угроза людям, самому существованию людей. Угроза ему, Суну, далёкому, почти забытому Ири...

– Растолстел, поди, как кадушка, товарищ-то?

– Нет, господин начальник. Ири стал очень тонкий, он мало ест. Зачем много есть, когда еда всегда рядом?

– Ты так много слов сказал, что я запутался, – с натугой пошутил Игорь. – У тебя самого-то как дела?

– Хорошо.

– Заладил! Что хорошо-то?

– Чем больше я Вам расскажу, господин начальник внутренней стражи, тем больше мне потом придётся повторять.

– Кому?

– На еженедельном допросе герцогу.

У Игоря загорчило во рту. Разумеется, он просто выпустил из виду. Раз в неделю герцог собирал старших слуг и спрашивал о делах, о доме, о детях. Игорь был далёк от мысли, что тем и кончалось. Герцог задавал и другие вопросы. Но не выпытывал же он у прислуги каждое слово!

– А ты не говори, – легкомысленно предложил он старому

товарищу.

– Это невозможно, господин начальник внутренней стражи.

– Почему?

– Он смотрит и спрашивает. Ему нельзя не ответить. Сомгать тоже нельзя, невозможно.

– Ну и зачем выбалтывать-то всё подряд??

Сун не ответил, но так красноречиво посмотрел на Игоря, что тот спохватился: действительно, чего пристал к человеку.

Они разрезали пирожок и начали есть. Сун аккуратно отламывал ломтики и клал в рот. Игорь кусал. На камзол сыпались крошки. Пирожок был потрясающе вкусным. Герцогская кухня оставляла в смысле изыска желать лучшего. Синьор не переносил соли и специй, отсюда вся пища была пресной до отвращения. Каждый подсаливал для себя, но это было уже не то.

Игорь давно перестал задумываться над странностями, происходившими в замке. Он привык. Даже к собственной изоляции привык. Друзей у него так и не завелось. За истекшие годы несколько раз завязывались какие-то тёплые отношения, но люди, с которыми он сходил, очень быстро исчезали из дворца. Их отправляли на новые места службы или жительства. Досадно, но так сложилось. Из всех, кого он давно знал, остался только Сун. Но, поселившись при голубях, тот стал страшно неразговорчив. Игорь относил это за счёт

полученной травмы. Суну в том памятном бою под стенами Сарагона пробили голову. Он вообще долго не мог говорить. Потом научился, но прежних вольных бесед между ними уже не случилось.

– Я обязан доложить господину начальнику внутренней стражи, – заговорил Сун, доев и утерев рот салфеткой. – Голубь, который сегодня вернулся из Невьи, заболел.

– И что? – вяло отозвался Игорь.

– У нас всего одна такая птица. Если она умрёт, некого будет послать. Герцог может разгневаться.

– Так обучи другого летуна.

– Это невозможно сделать быстро. Я пробовал. За последний год птиц, которые могли бы летать в приграничье, не встретилось ни одной. Герцог может разгневаться, – с лёгким нажимом повторил Сун.

– Хорошо, я завтра доложу Его Светлости о твоих трудностях. Н-да, если птичка сдохнет, действительно могут последовать санкции. Пробовал лечить?

– Пробовал. Её ранили.

– Кто?

– Я не знаю. Наверное, хищник.

– Ладно, лечи. А я завтра доложу.

Сун склонился в прощальном поклоне. Игорь спустился по дребезжащей витой лесенке и вновь оказался в облицованных полированным камнем коридорах и переходах.

«Он», упомянутый в голубиной почте, которую сегодня

читали у герцога, обретался, получается, в Невье. Ещё – известный конь...

Западным приграничьем заправлял князь Пелинор. Как ни оторван был Игорь от жизни за стенами замка, но и он знал, что опальный медведь находится не в лучших отношениях с властями. И это ещё мягко сказано. Последнему забудыге известно: коснись нога князя земли герцогского домена, его тут же схватят и казнят. Медведь так насолил короле, что с ним даже формальных разборок не случится. А чем насолил, никто толком не ведаёт. Ну, провинился его младший брат перед Клиром, так то брат. Однако и Влад Пелинор оказался вне закона.

«Оно мне надо, – подумал Игорь, – путаться в хитросплетениях заговоров, ломать голову над чужими кровавыми загадками? Есть служба, есть своё место во дворце. И так ли уж страшно, что не отправят назад? Разумеется, иногда подступает комок к горлу и, хоть сдохни, хочется домой».

По коридору к нему бежал личный посыльный герцога.

– Господин начальник внутренней стражи!

– Слушаю.

– Его Светлость срочно требует Вас к себе.

– Что случилось?

– Его Светлость срочно требует Вас к себе.

Спрашивать бесполезно. Его подчинённые, как и вся остальная обслуга, изъяснялись очень лаконично. Раньше это в глаза не бросалось. Игорь сам в последние годы привык

обходиться минимумом слов. Но его-то на еженедельные допросы не таскали. Его-то под гипнозом не пытали! Значит, среда сыграла с ним затяжную шутку, под которую он, сам того не замечая, мимикрировал, превратившись в вышколенного, тупого и верного исполнителя воли герцога – в царедворца без страха и упрёка.

Стоило поторопиться. Игорь спустился в подвал и пошел напрямик через катакомбы. Он сюда редко забредал главным образом из-за наличия в подвале привидений. Начальник внутренней охраны прекрасно знал, что они совершенно безвредны, однако сторонился, да и побаивался в глубине души иррациональным страхом ребёнка, попавшего в страну колдунов.

Впереди мелькнул клочок плотного белого тумана и, мазнув стену, зацепился за угол. Игорь замер. Чего, казалось бы: топай по своим делам. Туман не укусит, похолодит голую ладонь, если подставишь, а за три шага вообще ничего. Но нахлынуло вдруг нечто...

Тут разгуливают прежние хозяева? Но герцог как-то просветил, что аллари не принимают посмертных обличий, это исключительно человеческая прерогатива.

Клок тумана всосался в узенький чёрный коридорчик. Даже пламя свечи не шелохнулось. Игорь перевёл дух и пошёл дальше. Оставался ещё один переход шагов в десять и... всё.

За спиной протяжно вздохнуло.

О своей прежней жизни начальник дворцовой стражи в

последнее время вспоминал редко. По правде сказать, та жизнь стала забываться, плотно подёрнувшись новыми впечатлениями, будто на тусклую затертую гравюру наложили яркую переводную картинку. Изредка разве выскакивало слово или понятие, о котором он иногда уже не мог с точностью сказать, что оно обозначает.

– Почему так долго!?! – крикнул герцог.

– Я проверял посты и службы, Ваша Светлость.

– Какие?

– Караул и голубятню.

– Голубятню? – глаза Ария сощурились и стали похожи на два тонких холодных лезвия.

– Она входит в моё подчинение, – пояснил Игорь.

– Почему именно сегодня?

– Прочёл утреннюю почту и вспомнил, что давно туда не заходил.

А глазки-то у Ария... того. Игорь почувствовал лёгонькое покалывание на шее, как в жару перед грозой. Ворохнулось чувство беспокойства и... беспомощности.

От приведения шарахнулся, теперь очко перед герцогом сыграло. С чего? Игорь давно и прочно уверился, что Арий друг. В смысле – не враг. Во время утренних докладов герцог обычно сидел, расслабившись, и только изредка что-нибудь уточнял. Сегодняшний разговор больше походил на допрос.

Какого чёрта! Начальник внутренней стражи прямо гля-

нул в глаза герцога, и тонкие холодные лезвия будто обломились. Померещился даже лёгкий надтреснутый звон.

Герцог устался в стол. Голос стал почти что прежним, только холодным, вот-вот ледышки изо рта посыплются:

– Что на голубятне?

– Одна птица вернулась раненой.

– Уничтожили?

– Нет. Смотритель голубятни пытается её лечить.

– Он так любит этого голубя?

– Смотритель говорит, что птица, которая знает дорогу в приграничье, всего одна. Она ранена. Обучение новых займёт очень много времени.

– Что, Горноста́й не может лететь!?! Почему ты мне не доложил тотчас! – герцог выскочил из-за стола, взмахнул широкими рукавами и даже продемонстрировал свои детские кулачки. Бумаги на столе сами собой поехали в разные стороны, дробно покати́лась печать, Игорь отшатнулся.

– Ваш посыльный застал меня как раз, когда я покидал голубятню.

– Когда птица сможет лететь?

– Вряд ли она быстро встанет на крыло, – осторожно проговорил Игорь.

– Кто её ранил?

– Неизвестно. Смотритель считает, что на неё напал ворон или сокол.

– Почему в самом центре герцогства остается возмож-

ность для случайности?! Я вас спрашиваю?! Государство должно работать, как часы. Ты понял?

– Ваша Светлость прикажет переловить всех хищников в стране?

– Ты позволяешь себе ехидничать?!

Герцог снизу вверх скопился на начальника внутренней стражи. Голос стал вкрадчивым. По коже Игоря опять поползли колючие искры.

– Я не знаю, что делать, Ваша Светлость, но выполню любой Ваш приказ.

Игорь вытянулся в струнку и щёлкнул каблуками, осталось изображать тупое повиновение.

И стало скучно, будто в спектакле, который вызывал настоящее соперничество, случилась фальшивая сцена. Ты перестал чувствовать себя участником действия, сделавшись посторонним наблюдателем, которому жаль уходить с середины, хотя надо домой, в буфет или в туалет...

– Любопытно? – ядовито переспросил герцог. – Замечательно. Вылечи больную птицу! Что кривишься? Не можешь? Ничтожество! Я много лет держал возле трона лживое ничтожество.

Ария вдруг сложило пополам. Он слепо побрёл на подгибающихся ногах, схватившись руками за живот.

– Ваша Светлость! – подскочил к нему Игорь.

– Убирайся!

– Позвать лекаря?

– Убирайся, иначе лекарь понадобится тебе!

Он шаркал в сторону малой галереи, которая вела в башню. Даже со спины было видно, что влечёт его туда посторонняя сила.

* * *

– Ты придумал, как отправить почту в приграничье? – Арий ёрзал на стуле, будто в сидение натыкали гвоздей.

– Если дело терпит, можно послать гонца...

Игорь пытался заснуть и уже почти преуспел, когда его грубо подняли с постели и, считай, под конвоем привели в личный кабинет герцога, бывшей некогда библиотекой правителя аллари.

Полки с книгами раздвинули, точнее, задвинули в дальний угол. Посередине квадратной комнаты остался очень красивый широкий стол и два кресла. У стены примостилась лежанка под вышитым зелёным покрывалом.

Успевший за время пробега по дворцу проснуться и даже не на шутку встревожиться, Игорь не сразу сообразил, о чём его спрашивают. А когда сообразил, брякнул первое, что пришло в голову.

– Не можно! – взвизгнул герцог. – Тебя что подвесить вверх ногами, чтобы ум в голову вернулся?

– Только голубь, Ваша Светлость?

– Думай!

Мысли ворочались с натугой. Хотя...

Когда герцог рванул в башню, будто его прохватило, Игорь просто так, исключительно для себя, прикинул несколько вариантов выхода из сложной ситуации. Почему только для себя? Потому, что его советов обычно не спрашивали. Наоборот, пресекали инициативу, мотивируя тем, что он де незнаком с местными обстоятельствами, нравами и задачами текущего момента, историей Алларии, прогнозом погоды и т. д. Потом явились постоянные обязанности и заботы, да и активничать расхотелось. Жил себе и жил.

Не иначе какие-то флуктуации в атмосфере пошли: съехавший с ума из-за паршивой птицы герцог зачем-то будит давным-давно по жизни заснувшего Игоря и заставляет мозгом думать.

– Как я понял, голубь прилетел из Невьи... – осторожно повёл начальник дворцовой стражи.

– Ну!

– Там сидит Пелинор.

– Я это и без тебя знаю!

– Его родственники из герцогского домена... могут сноситься с князем посредством голубиной почты.

– Болван! Они враждуют... хотя... а почему бы нет, а?

Герцог изогнул красивую светлую бровь и улыбнулся. Лёгкие, обрамляющие лоб кудри пошли золотыми искрами.

– Да, Мец не в лучших отношениях с Пелинором. Он предан мне и Клиру... но кто поручится, что за нашими спина-

ми он не ведёт свою игру... Если предположить, что бурые и красные медведи... у Меца прекрасная голубятня. Помнится, отбывая на Границу, Пелинор часть своих птиц оставил кузену. Да! Вот и прекрасно. Поезжай в Мец и привези мне нужного голубя. Тем самым мы убьём двух зайцев. Но действовать будешь от собственного имени.

– Ваша Светлость, что я скажу Мецу? Да он велит меня с моста в ров кинуть.

– Купи у него птичку, денег я тебе дам, либо укради.

Герцог смотрел в пространство и разговаривал уже сам с собой. Подразумевалось, что, дослушав, Игорь очертя голову кинется исполнять поручение. И что самое главное – исполнит.

Случая что ли раньше не подвернулось или ночь сегодня была особенной!? Игорю вдруг показалось, что герцог тяжело болен тихой, но неотвратимой душевной болезнью. И что, что чудеса? Ну, чудеса. От них ещё быстрее свихнёшься.

– Ваша Светлость, я ровным счётом ничего не понимаю в пернатых, – твёрдо заявил начальник дворцовой стражи, возвращая синьора к реалиям.

– Какое это имеет значение?

– Вашему официальному посланнику, Мец, разумеется, отдаст горностаев, либо скажет, что у него таких птиц нет. Явись я сам по себе, мне впарят первую попавшуюся ворону.

У Ария задёргался угол рта. Тупой слуга его не на шутку уже разозлил. Однако синьор справился и даже внял, а вняв,

изрѣк:

- Сколько человек служит на голубятне?
- Шестеро.
- Возьмёшь одного с собой.
- Любого?
- Да! Всѣ, иди! Отправляйся прямо сейчас!

Глава 3

Горюта сидел на пороге казармы и прилаживал к сумке кожаную петлю. Саня сам не заметил, как вышел к северной стене крепости. Посидел в тени беседки, птичек послушал – верещат – и побрёл, куда глаза глядели.

Длинная приземистая казарма приросла одним боком к стене. С торца – дверь нараспашку, а в ней – скрюченный, занятый починкой старшина.

Домой не пошёл. А у него там, между прочим, жена, дети. Интересно, какого лешего он на службе прохлаждается!? И лицо у Горюты смурное, сильно задумчивое, в тугую тёмную печаль.

– Службу исправляешь? – вместо приветствия спросил Саня.

– Угу.

Гукнул и опять уткнулся в своё рукоделие. Но кот не обиделся на такую непочтительность, наоборот, интересно стало, отчего это открытый, прямой Горюта глядит, будто кум обиженный.

– Что на границе? – спросил кот, усаживаясь рядом.

– Тихо, – последовал короткий ответ, в том смысле, что не пошли бы Вы, господин кот, по своим делам.

Но Саня уже бы никуда не пошёл. Тащи, от ступеньки не оторвёшь. За спиной старшины в полутьме казармы стояли

приготовленные в дорогу седельные сумки. На лавке распласталась кольчуга. Чуть в стороне в рядок – меч, короткий крутой лук, метательные ножи. И несло от Горюты не в смысле конюшной или потом – чёрной тоской.

– Тебя Пелинор куда-то посылает? – понизив голос, спросил Саня.

– Иди, господин кот, – пробормотал Горюта. – Тебя медвежущка, должно, обыскалась. Иди, итак уже...

– Э, нет! Давай, выкладывай. Я от тебя теперь точно не отстану.

– На дальний кордон меня князь отправляет, на неделю. Неохота, да как откажешься, – покорно отозвался старшина. И было в том ответе правды ни на комариный чих.

– Выкладывай! – Саня и голоса вроде не повышал, а получился рык. – Поручение князя касается меня?

– Нет.

– Моих друзей? Только не начинай врать сначала. Я ложь за версту чую.

– Да, знаю я. Слушай, котовий сын, соврать ты мне, конечно, не дашь. Отвечу я... только завтра в донжоне окажусь!

Вот и поспрошал! Право, разумеется, на твоей стороне, с какого боку ни посмотреть, но и человеческая жизнь на твою совесть ляжет. Это не чистюка завалить... Там ты кругом прав, и всё равно грызёт. Это – знакомого, хорошего человека медведям скормить.

Санька сдавил щеки ладонями.

– Обложили они меня, – пожаловался в кулак. – И вроде ладно говорят, всё к моей пользе складывают, а только пользы мне той не надо.

– Мы как вчера вернулись, – решился вдруг старшина, – меня князь пытать начал, куда ездили, да о чём толковали. Я ему доложил, дескать, всё, как всегда. А утром...

– Стой, молчи, сам разберусь!

– Твоих-то, говорят, тотошной ночью в телеги покидали, да вывезли на перекрёсток за лесом. Дальше чтобы сами...

– А тебя сегодня князь гонит проверить, убрались они во свояси или так и колесят по его земле...

Не дожидаясь ответа, Санька, опёрся на плечо Горюты, встал, ещё прихлопнул, давая понять, что зла не держит, и решительно зашагал в сторону княжеских хором. За хаосом хозяйственных построек встали витые столбики и ровно выструганные, покрытые весёлым жёлтым лаком ступени крыльца, застеленного грубым шарганским ковром. Выше – резные наличники и пёстрые стекла оконных витражей, ещё выше – кровля, из-за которой торчала верхушка донжона. А над всем – бездонное, голубое небо. Только смотреть в него не хотелось. Ничего вообще видеть не хотелось. И слышать. И даже дышать.

В углу на крыльце валялась железная курочка с одной ножкой. Вторую, должно быть, отломили ребятишки.

Эрика заступила ему дорогу, когда до княжеского кабинета осталось всего ничего. Слишком нарядное для утреннего

времени платье сидело на ней косо. И всё лицо в слезах.

«Опять», – обречённо подумал кот.

– Ты к дяде?

– Да.

– Подожди...

– Эрика... я ничего не могу тебе дать, – сказал, как ухнул в ледяную воду.

– Подожди!

– Нет! – Саня отодвинул девушку с дороги и пошёл дальше.

Пелинор сидел за столом, разбирая бумаги. Кучкой лежали свитки, отдельно, стопой – толстые пергаментные листы. На непрошенное вторжение он свирепо вскинулся:

– Зачем пришёл?

– Пошли в донжон.

– Недосуг мне.

– Тогда я сам.

– Там охрана...

– Поберёг бы людей, княже.

– Ты как со мной разговариваешь? – пошёл на обострение хозяин границы.

– Как ближайший помощник, которого ты, князь, за дурака держишь.

– Подумал, прежде чем сказать?

– Нет.

– Для твоей же пользы стараюсь, тебя оберечь. Ты па-

рень добрый, с государственными делами незнакомый. Не всё, что во благо, с первого взгляда по душе придётся. Так что остынь, разберись сначала. А в донжон мы всегда успеем.

– Ты мне только что предлагал на утреннюю голову решение принимать. Самое время. Но пока я твою яму своими глазами не увижу, ничего тебе не отвечу.

– Сдалась она тебе! Ну что же, пошли, раз приспичило. Только там, сразу предупреждаю, ничего интересного. Яма и яма. А что бывает я в неё и сажаю кого-нибудь, так то скорбная необходимость – порядок требует. Ответь: преступника, зверя в человеческой шкуре, да просто зверя, который ни страха, ни совести не понимает, куда девать, то-то и оно.

Пока шли, Саня взмок. Точно знал, что друзья уехали пусть не своей волей, но живыми и здоровыми, а нет-нет ворохалась дурная паника: что если их?..

Пелинор топал впереди, походя отдавая приказания встречным. По всему выходило, что он за собой вины не чувял. Саня задавил верещащий внутри голосок и ступил за князем в полумрак донжона.

– Смотри, – бросил князь, отворачиваясь.

Стены тонули в тени. Сверху проистекал ленивый серый свет, обволакивающий предметы мутной слизистой бледностью. Колодец, окружённый каменным парапетом, находился в самом центре. Саня шагнул, увидел дно ямы – чёрную, утоптанную, изрытую кое-где когтями землю, две решётки напротив друг друга, тросы подъёмного механизма.

Из ямы несло смрадом и смертью.

Можно было идти, жить дальше и даже радоваться. Разве вот за одну из решёток зацепилась яркая тряпка – шапочка безумного ребёнка, который отдал Сане свою игрушку.

Люди сходились на пяточок у крыльца. Вставали молча, разделившись на две половины. По живому коридору кот вёл в поводу оседланного коня. Небо затянуло тонкой ребристой пеленой. Поднялся ветер, срывая с деревьев редкие листья. Князь стоял на крыльце.

Саня остановился, снизу глядя на Пелинора. Бурое от прилившей крови лицо князя дрожало. Но кот не торопился прыгать в седло и удирать от сиятельного гнева.

– Стража! – рявкнул Пелинор.

Несколько воинов встали по сторонам лестницы. Саня не двинулся с места. Пустит на него князь своих людей или нет, его как будто не волновало. Он смотрел в лицо недавнего друга.

– Хочешь меня остановить?

– Глупец! Ты не даёшь себе труда подумать, куда тебя заведёт дурная голова. Ты не найдёшь Эда, ты их не найдёшь! Они ушли за границу моих земель.

– Посмотрим.

– Последний раз тебе предлагаю: оставайся.

– Нет.

– Тогда...

Толпа заволновалась. Саня обернулся. К нему шёл Горюта. Поравнялся, поставил под ноги коня ладную кожаную сумку.

– Не откажи, господин кот, прими от меня в дорогу.

Теперь они стояли плечом к плечу. К ним примкнул Клим и ещё кто-то. В затылок дышали.

– ...тогда иди, – выдавил князь.

Могучие плечи обмякли. Саня кинул ногу в седло, Горюта подставил руки под колено.

Верхом кот оказался с медведем глаза в глаза. Ожидал злости, чёрного гнева, ненависти, а увидел досаду. И рад бы князь остановить неразумного котейку, да вот не получается, пока...

– Медведей против меня не посылай, – тихо сказал Саня, упреждая. – Пожалей родаков.

– Думаешь осилить? – вскинулся Пелинор.

– И не думаю даже. Прощай, господин хранитель Границы. Не держи на меня зла.

– И ты...

– Людей, прошу, не трогай.

– Не трону.

Ворота растворились, невысокий крепкий конёк пошел с места в хорошую рысь. Копыта простучали прощальную дробь по брёвнам моста.

И вдруг встретило солнце. Пока переглядывались да пере-

ругивались с Пелинором, облачную пелену разметало прорезами, в одну из которых упали лучи. Саня не подгонял коня, тот сам перешёл в галоп, будто не чаял быстрее оставить крепость, пряничные хоромы, Границу, князя, княгиню, сопливую медвежущку, верных Пелиноровых воинов и того же Горюту, который, зная про яму, против воли господина пошёл.

Прощайте, золотые горы на шёлковых коврах. Не жалко, особенно если всё время помнить про людоедов. Ты на этих коврах с девушкой обнимаешься, а за стеной...

Нельзя чтобы была яма. Поганого упыря, звероящера... это – да. Туда им и дорога. А безумного ребёнка! А мужика в грязной шкуре, который за прутья решётки цеплялся, да с перепугу на Пелинора рычал? Но оставь их жить, придётся заботиться, учить, кормить, пристраивать. А зачем князю такая обуза? Зачем ему ненужные люди? Ни проку от них, ни толку. У него высокая цель, тайная и тяжкая. И ответственность перед всеми аллари, а главное перед собственным родом. Князь осилит герцога, сядет на высокий престол и начнёт править по справедливости, но от ямы уже никогда не откажется. Нипочём не откажется. У герцога, надо полагать, тоже своя яма есть. Неужели любая власть опирается на людоедов, схороненных от посторонних глаз в каком-нибудь донжоне?

Погоняй, котейка. Выходит, за без малого тридцать лет ничего-то ты не видел. Разве Камишер родной, так там ни князя, ни герцога. Там только друг за дружку держатся, ина-

че конец – стопчут людей Дебри. От суровой жизни что ли там терпимости больше: человек, не человек – какая разница, лишь бы не кусался.

Вернуться в Камишер? Можно, только сначала надо товарищей найти.

Развилку за лесом, от которой арлекины двинулись восвояси, Саня и с закрытыми глазами бы не проехал. Что земля перерыта, и кусты помяты – полдела. В воздухе что-то такое витало. Кот натянул поводья, зажмурился, повёл носом. Вот с Шаковой телеги сполз возница. Апостол перебрался на облучок.

Фасолька тихо, чтобы никто не услышал, всхлипнула, утёрла мокрый нос кулаком.

Эд легко прыгнул на свой облучок: вокруг головы будто тёмное облако. Саня вспомнил князя. Не соврал Пелинор, как есть, собака лапу к поспешному отъезду приложил. Ну и что? Поворачивать и просить у хранителя Границы прощения кот не станет, догонит арлекинов, а там и разберётся, с чего это Дайрен беременную Цыпу и ни в чём неповинных Апостола с Фасолькой, не дожидаясь Саниного возвращения, за собой потащил.

«Ты его не вини. У него судьба страшная...»

Мученик! А по рылу он у меня всё равно получит...

Саня повернул от развилки на южную дорогу. След и тут сохранился. Зря князь печалился, что котейка своих не найдёт. Граница, не граница – нос он завсегда при себе... г го-

лова.

К полудню впереди замаячил дорожный камень, такие по всему герцогству стояли. Стрелка налево – Землероевка, стрелка направо – Хрумки, прямо – Малоперекопанное.

На этом камне указаний не выбили. Зато на правой дороге виднелись следы огромных лап. Конь прынул ушами, совсем как Апостол. Саня подъехал ближе. Медведь был тут совсем недавно. Ушёл в ближнюю балку, и по сей момент недалеко обретаётся. Кот на всякий случай привстал в стремях оглядеться, но ничего особенного не заметил. Внял, стало быть, князюшка голосу разума, не послал родаков против сумасшедшего кота. Но медведь тут очень долго путь сторожил – старого и свежего помёта полно.

Опять пришлось зажмуриваться и смотреть, что там было. А ничего, как выяснилось, и не было. Пришли повозки, медведь порычал, попугал, но не кинулся. Он остался на своём посту, они покатали на юго-восток.

* * *

– Не ходите туда, господин кот!

Девчушка пришла в рощу за ягодами и, нарвавшись сразу за опушкой на незнакомца, перепугалась до икоты. Пришлось спешиваться. Саня полез в торока, нашёл мешок со снедью и уже развязал, собираясь достать угощение, когда за

спиной раздался свирепый мужской голос:

– Отойди от ребёнка!

Да кот и не приближался к ней. Девочка сидела в траве и икала шагах в пяти. Саня распрямился и начал тихо поворачиваться. Здоровущий мужик зажал в побелевших руках пику, какой рыбу острожат. Дёрнись, не задумываясь, пустит в дело. Саня показал ему пустые ладони.

– Ты кто, что тут делаешь? – мужик ещё грозился, но уже разглядел богатую одежду и тон немного сбавил.

– Я друзей ищу. Они по вашим землям дня три назад должны были проезжать. Две кибитки. На одной конь, на другой собака. И женщины с ними.

– Их медведи съели, – вдруг прорезалась осмелевшая девочка.

– Как съели, не может быть! – кинулся к ней Саня. Мимо просвистела острога и воткнулась в землю рядом с девочкой. Та опять икнула.

– Остолоп! – заорал Саня на мужика. У того уже не только руки побелели, всё лицо стало известковым. – Ты же её убить мог.

– Ляночка... – мужик сам икнул, споткнулся, не зная куда кидаться: на незнакомца или к чуть было не пострадавшей дочери. Выбрал всё-таки дочь, подхватил в охапку и, только отбежав на край поляны, обернулся:

– Что тебе от нас надо, уходи!

– Заладил. Никто ни тебя, ни твоего ребёнка трогать не

собирается. Ты что, слепой? Не видишь? У меня и в руках-то ничего нет.

– А мешок зачем развязывал?

– Хотел твоей дочери калач дать, чтобы не плакала.

– Покажи.

– Смотри.

Мужик вытаращился на калач, будто тот был невиданным и от того ещё более опасным оружием. Зато девочка начала выбираться из отцовских объятий.

– Пусти, я плюшку хочу.

Саня положил угощение на траву, взял лошадь под уздцы и увёл на другой конец поляны. Девочка за это время успела выкарабкаться из родительских рук, подхватить калач и даже сунуть его в рот. Сейчас они побегут с поляны, а Сане останется идти в деревню и расспрашивать селян.

Он и в лес-то заехал, чтобы не мозолить людям глаза. Что Пелинор родаков поберёт – отрадно. А людей мог не пожалеть. Явишься так посреди бела дня в село, против тебя ва-тага с дрекольем: заворачивай, господин кот. И что, лезть с ними в драку?

Мужик не убежал. Посмотрел, как дитя за обе щёки упле-тает гостинец, на чужака, как тот терпеливо дожидается в сторонке, и заговорил:

– Зачем тебе, добрый человек, нелюди?

– Они тебя обидели? – спросил Саня.

– Нет, ночевали они у нас. Овса купили. Потом от князя

голубь был, но они уже уехали. Там за деревней...

– Их медведи съели, – повторила девочка набитым ртом.

– Не слушай её.

– Ты мне можешь толком сказать, что случилось?! – озлился Саня.

– Зачем тебе, добрый человек?

– Я не человек!

– А кто?!

– Кот я, хочешь, спину покажу? Спина лохматая.

– Ой, кот! А я котов никогда не видела.

Но папаша не дал дочери подойти, ухватил за рубашку и, отвесив челюсть, вымолвил длинное: «А-а!».

– Ага, – подтвердил Саня. – А теперь покажи, в какую сторону они уехали. Раз говоришь, живы.

– Ага, ага... Вы её, господин кот, не слушайте. От князя голубь прилетел, чтобы задержать, значит, гостей до особого распоряжения. Но они уже катили в сторону большой плешки.

– Плешка горячая?

– Ага. Там трясина с одной стороны, а с другой дорога в порубежный лес...

– На дороге медведи сидели! – выпалила девчужка, чем привела папаню в большое смущение.

– Говори! – зарычал Саня. Дальше продираться сквозь осторожное косноязычие крестьянина не было уже никаких сил. – Они на плешку заехали?

– Нет, господин кот. Говорят... говорят... прилетел дра-

кон и кадыяка на глазах у всех порвал. А друзья Ваши в порубежный лес свернули и как сгнули. Староста по их следам вчера ходил – нет следов.

Саня сел в траву, где стоял, и даже за голову схватился. С перепугу не иначе у мужика всё в голове перепуталось. Кадыяки – медведи-гиганты – в природе существовали, а драконы – чистая сказка. Но опять же – Граница. Пустобрюхого кровопийцу видел? Видел, даже руками трогал. Почему не быть драконам?

– Да Вы, господин кот, так не убивайтесь. Может, они живы, друзья Ваши, – отец с дочерью осмелели и подошли к коту. Девочка подёргала его за рукав куртки.

– А? – поднял голову Саня.

– А ты обратно к князю поедешь? – спросила девочка.

– Нет, я должен найти своих друзей. Пусть мне твой папка дорогу покажет.

– Не ходите туда, господин кот, там место плохое. Лучше, пойдёте в деревню. Переночуете у нас, отдохнёте... – замялся крестьянин.

Саня поднялся на ноги, отряхнул штаны, потрепал девочку по светленьким тонким волосам, забрался в седло и сверху приказал мужику:

– Веди.

Глава 4

Цыпа умирала. Фасольку Эд насильно увёл во вторую кибитку, посидел с ней немного и вернулся. Смрад под тентом стоял вовсе уже невыносимый. У Шака слезились глаза. У Дайрена распух нос. Ко всему немного похолодало, но и этого немного хватило, чтобы не открывать доступа воздуху. Всех и в первую очередь роженицу тут же начинала колотить крупная дрожь. Цыпа больше лежала без сознания.

– Уходи, Эд, я с ней посижу.

– Шак, ну сделай что-нибудь!

– Ты второй день просишь, Эдди. Если бы я мог, давно бы сделал. Яйцо застряло. Даже если разрезать живот, плод не удастся вынуть.

– Его тоже можно разрезать, вытащим кусками.

– Эдди, мы её убьём этим, ты же сам понимаешь.

– Понимаю.

– Я не умру?.. – вдруг сказала Цыпа. Она лежала, уставившись вверх. Глаза сухо блестели.

– Конечно, девочка. Сейчас отдохнёшь, поднатужишься.

Я тебе помогу.

– Да, Шак. Я постараюсь, только... вынеси меня на воздух.

– Там холодно.

– Утро наступило?

– Светло.

– Пожалуйста, вынеси меня, Эду не будет так плохо...

– Хорошо.

Дайрен откинул край полога. Невероятно, но дождь прекратился. Трое суток сплошной стоячей воды кончились влажным солнечным теплом. Эд тянул полог, пока тот не сполз с распорок совсем. Шевелить Цыпу было нельзя. А так она увидит утро, солнце. Может быть, последние утро и солнце в своей жизни.

Шак начал гладить курицу по уродливому животу. Он уже так один раз вернул на место застрявшее яйцо, но тогда у неё ещё оставались силы. Сейчас их не было. И даже встань плод на место, это только облегчит боль. Но не спасёт.

– Какое странное место. Куда ты нас завёз на этот раз? – в слабеньком голосе Цыпы появилась лихорадочная игривость. Шак понял, что она не в себе, и даже немного обрадовался. Умирать в полном сознании тяжело. Пусть плавает в тихих грёзах. Тем более, что ему и на этот раз удалось поправить яйцо. Цыпа облегчённо вздохнула.

Из соседней повозки высунулась растрёпанная голова Фасольки:

– Кто-то идёт.

– Откуда? – подскочил Эд, нюх отшибло напрочь ещё вчера. Оставалось полагаться на Солькины слова.

* * *

Лошадь, наверное, тоже боялась по-своему – по-лошадинному. Она дышала Сане в затылок, не отставая ни на шаг.

Хрень лешачья! Тропа под ногами – вот она. Лошадиные попеременно с человеческими следы измеси́ли дорожку, а никуда не ведут.

Саня остановился и бессильно заругался. Кузькина мама тут колобродила на пару с перевертышем... поставил ногу в старый, не меньше недели назад оставленный след и обомлел. След оказался его собственный. В ухо сильнее задышала терпеливая лошадка. Тоже, поди, примеривается, не она ли тут натоптала. На колючке у самой земли обнаружился лоскут, выданный из Саниного плаща. Утром выданный – Саня помнил, – но уже затлевший, сморщенный и трухлявый, будто месяц провисел.

Кот терпеливо выпутал лоскуток, разгладил, теряя гнилые ниточки, и приставил на место дырки. Если не придира́ться – в самый раз, обалдеть! Саня скосил глаза вбок. Лошадь стояла в собственном следу.

Ага, старушка, мы вляпались. Хоть вперёд топай, хоть пя́ться – один хрен.

Собственно, почему хрен? Он прошёл немного вперёд и присел на пенёк, ибо другого относительно сухого места не нашлось. Кусты, кроны деревьев, поваленные или наклоненные стволы истекали влагой.

Хрен привязался к думке – не сковырнёшь. Ну, рос у мам-

ки в огороде этот въедливый овощ. Тятя, ругаясь, поминал. Санька только много позже сообразил, что имеется в виду не твёрдый, до слёз ядрёный корешок, а нечто иное...

Кот замотал головой так, что с волос брызги полетели. Жучка так отряхивалась. Залезет жарким полуднем в речку, наплюхается, нафыркается, выскочит на берег и вся пойдёт винтом, изгоняя воду из разношёрстой шкуры...

Вот те и хрен, вот те и мамкина Жучка! Вокруг сырой, как губка, лес, а тропа сухая, и следы на ней затвердели до каменного звона. Санька ещё раз потрянул головой. Опять полетели брызги – дождь, оказывается. Подставил ладонь, на неё заморосило. Странно, что раньше не заметил.

Лошадь тоже соступила с тропы и в первый раз за весь день отошла от седока на три шага. Конёк потянулся к травке, захрумкал, довольно всхрапывая.

Саня решительно поднялся, скинул с плеч непромокаемый синий плащ, подарок Горюты, стянул куртку, вывернул наизнанку и стал трудно напяливать влажную одежду обратно.

–Воронок, пошли дальше.

Конь поднял голову. Из рта торчал похожий на усы пучок травы. Прожевал и мотнул башкой: отвязался бы ты от меня. Но Саня не внял, ухватил под уздцы и повёл, но не на тропу, а напрямую через лес, выискивая просветы между деревьями и обходя завалы; и даже не сразу сообразил, что нашёл ещё одну дорожку. Почти незаметную, но вполне торную.

Укромная полянка не замедлила себя явить. Кот свернул за неохватный, чёрный, с потрескавшейся корой ствол, вывалился на кругленькую, поросшую короткой густой травой прогалину, и остановился в нешуточной задумчивости. Противоположная сторона поляны поблёскивала и кривилась, будто её затянул огромный мыльный пузырь. Если не присматриваться, вообще не заметишь, а постоял немного и разглядел границу этой и той стороны. Да хоть трава: тут – короткая и густая, там – высотой по пояс, испятнанная цветами. А за ней... видел Саня такое дерево, не дерево, леший знает, что такое: зелёное и лопушастое, под которое Шакова телега поместится. Но видел он его на самом юге. Куст этот там обихаживали, холили и лелеяли. В начале лета он выстреливал огромный колос-соцветие, который к зиме вызревал сотней плотно пригнанных, сладких-пресладких продолговатых плодов. Ага – банан. Самое место для него на северной Границе!

Пока вспоминал, сам не заметил, как подобрался к прозрачной преграде вплотную. Она колыхалась и как бы перетекала. Кот осторожно тронул её пальцем. В стороны пошли едва заметные мелкие круги. Лес за преградой искажился рябью.

Надо бы подумать, взвесить все за и против, к месту вспомнить пример из прошлой жизни, как совал голову, куда тебя не звали, хуже – не пускали.

Саня зажмурился и рывком, как в воду, нырнул в про-

зрачную неизвестность. Она неприятно обволокла и тут же, чмокнув, пропустила. Лошадь недовольно всхрапнула, натянула повод – её, однако, никто не спрашивал – и пошла за хозяином.

Хоть обратно скидывай куртку: снизу – мокро, сверху – мокро, в середине – жарко. В первый момент показалось, что и в самом деле нырнул в воду. Потом и глаза и дыхание приспособились. Колет пришлось расстегнуть, иначе утонул бы в собственном поту. Зато отчётливо и близко обозначились знакомые и такие долгожданные... Шак, Эд, Фасолька.

С Цыпой было плохо! Очень плохо – впору сорваться и бежать на помощь. Если бы не высоченная густая трава, да мириады всяких населяющих её незаконных тварей, Саня побежал бы. Приходилось продираться. Он уже не думал об осторожности, шёл напролом, треща кустами, потому что к месту бивака, на котором расположились его товарищи, к телеге с измученной Цыпой шёл ещё кто-то. Кот его не видел, только чувствовал верхним запредельным чутьём, улавливая приближение странного, непонятного, невиданного и вполне вероятно опасного существа. И что самое паршивое: оно могло добраться до стоянки арлекинов раньше Сани.

Ноги заплетались в траве. Кот поминутно спотыкался, дергал повод. Пару раз на него сзади натыкалась лошадь.

* * *

– Шак!

– Я вижу, Эдди.

Незнакомец вышел на поляну, будто вынырнул из густой зелёной воды. Вокруг колыхалось, разве только кругами не расходилось. С чужака капало. И его заметно шатало. Высоченный, выше Шака, широкий в плечах и тонкий в поясе, он имел зеленоватую кожу и длинные рыжие волосы. Одна прядь запуталась в листве. Чужак мотнул головой. Шаку показалось, что не прядь соскользнула, а сама ветка колыхнулась, сбрасывая волосы. Чужак сделал огромный шаг и оказался в центре поляны. В руке он нёс несуразный глиняный сосуд, заткнутый помятой еловой шишкой.

Эд уже стоял напротив. Если не знать, не поймёшь, чего это Дайрен схватился за край плаща. Шак знал: там пряталась тончайшая режущая струна. Эду не хватило одного мгновения. Руки зелёного человека вдруг удлиннились и спеленали собаку наподобие полос лыка. Спеленали и сдавили, так что Эд сразу обмяк.

Шак до последнего сидел над Цыпой. Только что показалось, она справится: злополучное яйцо начало двигаться. Курица, собрав последние силы, помогала ему. Шак чертил круги по уродливому животу: женщину нельзя было сейчас бросать!

Эд!!! Но тот болтался в лыковых руках зелёного чудовища бесчувственной куклой. У Шака зазвенело в голове от напряжения. Она сейчас лопнет, разорвётся части...

И тут с другой стороны поляны, тоже будто вынырнув из воды, показался мокрый и расхристанный, невероятный, уже почти потерянный кот с когтями наголо.

– Отойди от собаки, урод! – крикнул Саня, как давеча ему самому кричал мужик, отгоняя от девчущки.

– А чего он драться, – мирно спросил незнакомец.

Но лыковые руки не разжал. Эда даже приподняло над землей. Лицо собаки посинело. А Зелёный продолжал:

– Я его отпущу, когда ты когти спрячешь. И, вообще, вали из моего леса, тут я хозяин.

– Никто твоего права не оспаривает. А когти я не уберу, вдруг пригодятся.

– Тогда получишь труп.

В голосе Зелёного сквозило полное равнодушие. Пьяное равнодушие, между прочим. Шёл выпивший лешак по лесу, нарвался на компанию, не занравились, отчего бы не придумшить одного-двух...

– Мы тебе зла не хотим, – сквозь зубы проговорил кот, краем глаза наблюдая, как Апостол осторожно перекладывает голову Цыпы со своих колен на подушку.

– Сиди, конь, на месте, бабе помогай, – рывкнул Зелёный, не поворачивая головы. – Лохматая, вылазь!

Из-за бортика телеги показалась голова Фасольки. Растрёпанные волосы торчали в стороны. Скупые северные цветочки в них повяли и смялись.

– Я тебя звал, ты почему не пришла?! – потребовал у неё

Зелёный.

Солька дёрнулась как от пощёчины. Лицо из растерянного вмиг стало лютым:

– А кто ты такой, чтобы я к тебе бегала, лягушка двуногая!

– Кто я? – лягушка?! Ну, держись...

Волосы Фасольки вдруг сами собой зашевелились и взвились в стороны мелкими кудряшками. Из них полезли, раскрываясь на ходу, крупные яркие бутоны. Вся голова девушки мгновенно оделась цветами. Из этой клумбы свесилась тонкая зелёная лиана с белыми крапчатыми цветами и защекотала шею.

– «Лягушка!!!» Да? Я тебе сейчас ещё покажу... знаешь, что я с лягушками делаю? Жаль, нет, а и собака подойдёт...

Но Солька не очаровалась превращениями. Завизжав будто резаная, она кинулась к Зелёному и вцепилась в его роскошные золотые волосы. Эд вывалился из ослабевших пут точнёхонько в лапы подскочившего Сани. Только Шак остался на месте.

– Всё! Всё! Я его отпустил. Дриадка... дриадка-а-а... У, какая ты красивая!

Солька успела уже выдрать одну прядь. Зелёный охнул, но отбиваться не стал, наоборот, притиснулся к девушке, обвил руками, спеленал, как только что Эда и... поцеловал.

Солька не сразу смогла вырваться, но таки оттолкнула любвеобильное пьяное чудовище, да ещё и по роже дотянулась.

– Свинья! Нажрался, так веди себя прилично.

– А что я!? Подумаешь, живой воды хлебнул.

Лешак поболтал бутылку, в ней ещё оставалось. Солька опять переменялась в лице. Только в другую сторону – до-нельзя озадачившись. А Зелёный вытащил смятую шишку из горловины, ещё раз болтнул посудину и приказал:

– Эй, конь ушастый, отойди от птицы! Отойди, говорю.

Пока Апостол раздумывал, прикрыть собой Цыпу либо, в самом деле, отодвинуться, золотоволосый набрал в рот жидкости из бутылки и фукнул на курицу. Брызги полетели маленьким искристым водопадом. Саня опустил уже задышавшего ровно и глубоко Эда на траву и кинулся к повозке. К ней же пришатался Зелёный, постоял, пьяно плясая на то, как Цыпа тужится, кивнул сам себе и, объявив Шаку, что теперь де курице сил хватит, отвалил в сторону Фасольки, но на полшаге споткнулся:

– Эй, ты, с когтями! Тащи птицу под дубок, да поддержи на весу, пока не родит, в траву не клади. У меня тут... водятся всякие.

– Без тебя знаю, – огрызнулся Саня, подхватил Цыпу в охапку и унёс в указанном направлении.

Крона над головой оказалась такой плотной, что вновь зарядивший дождь её не промокал. Медленные, вялые, тяжёлые струи стекали с листа на лист, барабаня где-то вверху, как по крыше. По контуру стояла сплошная водяная завеса.

– Видишь, как всё здорово получилось – сухо, тепло. Под-

натурься, Цыпочка.

– Саня... я думала. Саня... мы... О-о-о! А-а-а-а!

– Ага, покричи, не так больно будет.

– Как хорошо, что ты вернулся. О-о-о!

Она так исхудала, что и напрягаться не надо было. Саня взял её под коленки и придержал, как держат маленьких детей над горшком.

– Давай, девочка, чуть-чуть осталось. Ты же можешь. Тебе дышать не тяжело?

– О-о-о-о! А-а-а... Ик!

Это «ик» сотрясло сухое измученное Цыпино тело до самой макушки. За ним последовало громкое чмокание. Тяжёлое кожистое яйцо выскользнуло из чрева роженицы и плюхнулось в мокрую траву. Сразу пропала невыносимая вонь. Черты лица Цыпы разгладились. И Саня подивился неожиданно явившейся красоте.

– Какая ты молодец. Цыпочка! Шак, неси простынку и плед тоже! Сейчас мы её переоденем, завернём...

– Где мой ребёночек? – Цыпа начала вырываться.

– Здесь, не волнуйся, – успокоил подбежавший Шак.

Вместе с Саней они стащили с женщины мокрую холодную одежду, завернули в сухое. Шак выкатил из травы новорожденный болтун.

– Где, покажи мне его, – потребовала курица.

– Смотри, – без тени брезгливости Апостол взял в руки мертворожденное яйцо, которое чуть не убило мать, и под-

нёс к ее лицу.

– Дай мне, я его согрею. Шак, должна же я родить хоть одного живого ребёнка!

– Сейчас, моя девочка... Я его только заверну.

И в самом деле, запеленал болтун в чистую тряпку и подал матери.

Полуживой собака, между прочим, успел натянуть над второй повозкой чистый полог. Цыпу перенесли туда и оставили, пусть поспит. Сами они и под дождичком... хотя есть же дубок. Вонь странным образом успела выветриться. Шак говорил, что она обычно несколько дней висит в воздухе. Но, наверное, тут места были особенные.

Золотоволосый господин буйного зелёного царства спал тут же, обняв дерево. Рядом валялась пустая бутыль. Фасолька с сожалением перевернула её и потрясла, убедиться, что – всё.

– Что, росиночка, и тебе напиток захотелось? – хохотнул Шак.

Он нервно веселился, хотя Саня видел, едва держится на ногах. Пока, значит, господин кот по границам путешествовали, Шак над Цыпой сидел. А ещё раньше уводил повозки от медведей, а ещё раньше – от Пелинора.

У собаки наискось по шее тянулась багровая ссадина – след захвата. Эда шатало. Его усадили, привалив спиной к стволу, Шак ещё потоптался, повозился и вдруг рухнул рядом с собакой. Саню кинулся к нему.

– Стой, котик, не трогай его. Он просто спит, – остановила Фасолька.

– Да ну, упал...

– Котенька, миленький, он же чуть сам над Цыпой не умер. И Эд. А я тебя звала.

– Я не слышал.

– Я не голосом звала, сидела и думала о тебе. Ты же нашёл нас, значит, услышал. И о Цыпе думала.

– Что случилось в крепости, почему вас Пелинор выгнал? Или вы сами уехали?

– Какой там сами! Нас среди ночи похватали. Сначала Шака вывели, потом Эда. Я уже в телеге лежала. Связали всех.

– А дальше?

– Дальше довели до опушки княжеского леса и оставили. Зато на каждом перекрестке нас ждал медведь, чтобы дороге не перепутали. А потом мы чуть на плешь не заехали. В обход две дороги, и на каждой по кадьяку. Я голову юбкой замотала, чтобы не видеть. Кричала, наверное. Ничего не помню. Эд позвал волков. Только их очень мало в медвежьем краю водится. Пришли трое, стали отвлекать медведя. Да что бы они одни сделали! И вот... Цыпа. Она почирикала, и прилетел... я не знала, что такие птицы бывают.

– Селяне клянутся, что дракон.

– Орёл! Гигантский...

– Такой большой, что медведя уволок? – хохотнул Саня.

– Вот ты смеёшься, а я думаю, если бы захотел – унёс бы. Но он только за уши кадыка рванул, волки довершили – мы проехали. Ой, а потом я все цветочки из головы повыдирала. За нами же ещё медведи гнались. Правда, обыкновенные.

– В деревню голубь прилетел от Пелинора. Князь велел задержать вас до особого распоряжения.

– Санечка, может, я и ошибаюсь, только мне кажется, что он не хотел нам зла... не знаю.

– Ага, а медведи сами по своей воле вас гоняли...

– Ты как человек рассуждаешь. Младшие братья же только самые простые приказы понимают. Велел им Пелинор нас ловить, вот они и ловили.

– Так чего же он хотел?

– Тебя на Границе оставить. Ну, может, ещё Эда. Только Эдвард...

– Знаю, отказался. Кто он?

– Кто, кто?

– Эд.

– Младший сын какого-то князя. Вся его семья погибла. Больше я ничего не знаю.

Фасолька не лгала, она действительно не знала.

Сопел Эд. Совсем как лошадь всхрапывал во сне Шак. Свистел носом спавший в мокрой траве будто на перине Зелёный.

– А этот кто? – указал Саня взглядом.

– Тшш! – громко прошипела Фасолька. – Он и во сне слы-

шит.

На восточной оконечности поляны, наполовину загороженный лапами голубой ели, возвышался величественный и одновременно нелепый термитник. Сооружение напоминало изящно вытянутую вверх, испещрённую ходами, похожую на древний полуразрушенный храм, кучу дерьма.

Обитателей в термитнике жило всего ничего. Каждый – длиной в поллоктя взрослого человека, не считая усов. К гостям, расположившимся на поляне, они относились неприязненно, но нападать – дураков нет. Эх, рано гостишки сюда пожаловали. Семья термитов только-только начала строить свой замок. Лет бы эдак через... нет, пожалуй, через десять, чужие начнут объезжать эту полянку седьмой дорогой.

Старому седому термиту ничего не оставалось, как прятаться за верхушкой своего недостроенного замка и наблюдать. Тем более, к противной компании присоединился Его Зелёное величество Повелитель леса. Тут уже не до коварных планов, сиди, прижав усы, и тихо надейся, что не заметят, не тронут. Характер Пан-Дар-Т”ха– Лаххеда, шепотом именуемого мелкоподданными просто Паном, знал всяк живущий на его земле.

Сначала все спали, потом нянчились с проснувшейся курицей, потом устали на Шака. Апостол отмахивался, ругался, дотянулся даже один раз до развеселившейся Фасоль-

ки. Но Саня видел, как конь украдкой сбегал за телеги с полной миской воды и, используя её вместо зеркала, посмотрелся.

Дело в том, что, получив часть предназначенной исключительно Цыпе живой воды, сын вольного клана Шак по прозвищу Апостол резко помолодел. Он как прежде хмурился, иногда щерил в невзаправдашной улыбке зубы, но выходило это у него не страшно, как раньше, а комично. Тем более, что лицо коня нет-нет да приобретало счастливое мальчишеское выражение.

Кот сушил над огнём одежду и уже прожёл в нескольких местах дорогую бархатную куртку: сказывалось отсутствие привычки к изысканным вещам. Но выбрасывать её он не собирался. Во-первых, все старые тряпки остались у Пелинора. Во-вторых... рубашка, которая высохла сама по себе, имела длинные кружевные манжеты. Напяль поверх дерюгу, на кого будешь похож? Правильно! Просушит куртку, затаскает её, пока та сама не развалится и выкинет всё разом.

Эд очухался только к темноте, но нет-нет да болезненно морщился, зло косясь на Зелёного Хозяина. Сволочь! Демонстрацию он решил перед Солькой устроить. Но смотрел на ожившую, расцветшую необыкновенной красотой Цыпу, на обновлённого Шака и менял злость на милость. Тем более – гневаться на золотоволосого всё равно, что на Фасольку. Хозяин леса происходил из рода дриад. А это вам ни хухры-мухры. Это – явление редчайшее, никем почти из живу-

щих не виданное.

Ни для кого не было секретом, что дриады почти бессмертны. То есть естественной смертью они не умирали. Жили себе и жили. Притом – одни женщины. Но ведь откуда-то они должны были появляться. Для изучения сего феномена в университете имелась целая лаборатория, занимающаяся по причине скудости фактического материала исключительно теорией. Учёные мужи, возглавляемые важным, но глуповатым зайцем Танчиком, намудрили, что дриады размножаются партеногенезом. Танчик всю свою учёную карьеру доказывал это главным образом с помощью всяческой демагогии, вёл факультативный курс, на который мало кто из студентов заглядывал, а до истины докапываться – на фига она, если и так всё в жизни прекрасно сложилось?

Тутанх в споре с Мараведишем только раз коснулся мутной темы, но Дайрен запомнил обронённую скарабеем фразу, дескать, если дриаду мужского пола никто не встречал, это ещё не значит, что её или, вернее сказать, его, не существует. Тутанх относил дриад к коренным жителям континента, Мараведишь сомневался. Но поскольку фактического материала опять же было катастрофически мало, учёные мужи опасались строить свои выводы на домыслах и фантазиях недалёкого зайца.

Солька сидела непривычно тихо. Зеленый господин на неё посматривал, но не приставал. Цыпа нянчила завёрнутый в тряпочку болтун. Под чёрной кофточкой выступали исхуда-

лые, острые плечи. Курица время от времени принималась что-то напевать, но спохватывалась и замолкала.

Её было жаль. И одновременно радостно, что жива, что, как и раньше, сидит с ними у огня и смотрит внутрь себя огромными чёрными глазами.

О Пелинорах уже наговорились вдоволь, но тема всплывала, как вонючий пузырь над болотом. От неё отмахивались, разговор заходил о другом, потом сам собой замирал, и всё возвращалось на прежний круг. Зелёный господин не встречал и даже вопросов никаких не спрашивал. Оно и понятно: у него своя страна, маленькая и непонятная. Ему до трудностей каких-то приبلудных аллари дела нет.

Так всё сходилось, что Пелинор порушил данное слово и старую дружбу с Дайреном исключительно из-за Саньки. Всё, можно сказать, поставил на kota. Тот уже и спорить устал.

– Оставим Эрику, ладно? Согласен, для счастья любимой племянницы князь бы на многое пошёл, но он же преступил все законы! – возмутился кот на очередную подначку собаки.

– Кроме медвежушкиной семейной жизни у Влада и другие резоны были, – безапелляционно положил Эд.

– Да, брось ты, какие резоны-то!? Вы с Апостолом можете хотя бы на младших родственников положиться. Случись нужда, тебе волки послужат, Шаку – лошади. И те, и другие хоть какая-то сила. А я что? Разве пошепчу кошке, чтобы она на подушку врагу нагадила. Да и, честно скажу, не очень у

меня с родаками.

– Что «не очень»?

– Они меня не то чтобы слушаются, а просто боятся. Я к кошке – погладить, а она вся трясётся, обмочится даже. Мамка из-за этого всех кошек из дома переселила. Жили в сарае, в горницу, хоть на веревке тащи, не заходили.

– Санька, – Шак осторожно вертел в руках кружку с вином, глядел в огонь, а не на кота, но всё равно было понятно, что собирается сказать нечто очень важное, – река в Камишере откуда и куда течёт?

– Из Дебрей на юг. По обоим берегам люди живут. А как вытекает за пределы Камишера, виляет на крайний запад и идёт по краю Сухого моря. Там уже никого живого. По этому берегу и то опасаются селиться.

– Да, в общем... я знаю. Я о другом хотел спросить. Корзина, в которой тебя нашли, по течению плыла или против течения?

– По течению, конечно.

– Люди тебя не боялись?

– Нет, чего им бояться, я ж на их глазах вырос. Человек как человек... кот, конечно... да какая разница!

– Погоди, не злись. Я только в том смысле, что ты, получается, из Дебрей появился.

– Ну и что?

Тщательно подобранные слова, в которые Шак пытался облечь неудобный вопрос, сами собой пропали. Он-то сидел,

голову ломал, как помягче коту преподнести истину, а тому и дела до неё нет.

– Я только то хотел сказать, что ты кот необычный. Не такой, как все. Думаю, из-за этого Пелинор в тебя вцепился.

– Если меня из Дебрей принесло, так я урод что ли!? – вспыхнул Саня. Он никак не ожидал от Шака такой обидной подковырки. – Думаешь, как ночь, я кровь пить побегу?

– Санечка, – встрепенулась Фасолька, – никто про тебя ничего такого не думает. Что вы, в самом деле, к нему пристали?

– Извини, брат, – Шак впервые так назвал Саню. – Солька права. А ты не сердись. Мы-то точно знаем, что ты кот.

Цыпа опять тоненько запела. Золотоволосый господин глянул на неё не вполне протрезвевшим взглядом и вдруг протянул руку:

– Дай посмотреть.

Цыпа сильнее прижала к груди новорожденного.

– Не бойся, я ему ничего не сделаю.

Как ни крути, не явись пьяный лешак вовремя, лежать бы Цыпе мёртвой. Они это понимали, и она тоже. Но так просто отдать хоть и мёртвое, но всё равно дитя равнодушному – ни тени эмоций на лице – чужаку опасалась. Только когда Зелёный нетерпеливо тряхнул головой, Цыпа трясущимися руками протянула ему свёрток.

Зелёный развернул тряпочку, покачал в руке коричневое, покрытое плотной сухой кожей яйцо:

– Болтун, как болтун. Хочешь, чтобы он жил?

– А?! Что?! Как...

– Летать, как ты, конечно, не будет, а вот дерево я из него выращу.

Это было против всяких законов любой природы. Это было против законов даже магического свойства, с которыми разве что Эду приходилось сталкиваться. Но Зелёный говорил так уверенно и безразлично, что ему безоговорочно и мгновенно поверили. А, главное, поверила Цыпа:

– Какое дерево? – губы у курицы прыгали.

– А какое хочешь.

– Здесь? – Цыпа обвела раскрытой ладошкой круг поляны, костёр, арлекинов и даже недостроенный термитник.

– На кой ляд оно мне здесь, – скривился Зелёный. – Посажу где-нибудь рядом с людьми. Они к нему будут ходить за советами. Ты же предсказываешь. Вот и твоё дерево станет предсказывать. Видела когда-нибудь деревья, на которые навязаны ленточки? Не знаю, как их люди чувят, но чувят как-то. И ходят и ходят...

– Так много мёртвых яиц!?! – осторожно спросил Эд не для того, чтобы обозначить собственный скепсис, скепсиса как раз и не наблюдалось, просто уточнить. Случай с Цыпой, как ни крути, уникален. А священные деревья растут по всему континенту. Не много, кто спорит, однако есть.

– Яйцо не обязательно... можно кусок шкуры, кость. Женщина... над мёртвым ребенком ревела. Я её пожалел, забрал

трупик и такое дерево из него вырастил, ни одна сволочь под него зайти не может. Если какой подлец сунется – оно ветками захлещет.

– Я слышала... – глаза у Фасольки стали огромные и прозрачные, как вода.

– Что ты слышала, дриадка? – Зелёный ей так улыбнулся, что у Сани заскребло внутри: уведёт у них девчонку пьяный лешак. Но Солька будто не заметила:

– Голос. Мы рядом проезжали. Шак, помнишь, я на холм побежала, а ты меня догнал и вернул.

– На том холме, девочка, люди своих покойников как раз хоронили. Сама знаешь, к ним в такой момент соваться ни к чему. Эд раненый лежал. Как бы я один вас всех защитил?

– Шак, я не в укор. Просто я услышала, будто дерево говорит.

– И моё дитя будет жить? – глаза у Цыпы расширились уже до полной невозможности.

– Других у тебя нет, что ли, – буркнул Зелёный.

– Нет.

– Ну, будет. Если подружка твоя мне поможет, – кивок в сторону Фасольки и ей же жгучий косой взгляд, от которого у Сани опять кошки на душе заскребли.

– Чем это я должна тебе помочь? – подозрительно зашипела Солька.

– Сама знаешь. Но если не хочешь, не надо. Закопаем болтун прямо тут, пусть сгниёт.

Цыпа прижала кулачки ко рту. Собака задёргал верхней губой. Прянул ушами Шак. А Саня подумал, что Зелёному вся их жизнь безразлична, безынтересна, чужда и что помогает он Цыпе не потому, что жаль ему вещью птицу, а из-за Фасольки.

А та посмотрела на Зелёного господина через плечо, строптиво мотнула головой, дескать, раз надо, я, так и быть, снизойду, поднялась, яркая до умопомрачения, и уже сверху бросила Повелителю леса, как подачку:

– Идём, что расселся?!

Глава 5

– Молочницу, молочницу Герту убили!!!

Крик ворвался в скучный гул провинциального утра, перекрывая кудахтанье, бляенье, звон, стук, шуршание и бормотанье. На миг стало тихо и тошно. Следом поднялся гомон. А за ним, пока дошло и накрыло, женский вой пополам с визгом и хрипом.

– Мать Герты, с рассвета всех дёргала, где дочка, – ворчал себе под нос трактирщик, вытирая соседний стол.

Игорь и Сун доедали завтрак. Пора было наведаться в замок Мец, но особо они туда не рвались, успеется, ели и беседовали о постороннем, растягивая бездельное утро.

– А-то сама не знает! – громче возмутился трактирщик. – В казармах ищи. Но туда Латина не пойдёт. Кнехты народ грубый, самое малое – пошлют. Могут вообще накостылять. А ещё... могут! Ой, могут! Объясняй потом, что не по доброй воле на сеновале оказалась. Курт не поверит. А и поверит, всё равно изобьёт. Он её часто бьёт. И Герте доставалось.

Трактирщик стряхнул крошки на пол, потянулся за веником, но плюнул, сел на лавку и уже напрямую начал просвещать дальнеезжих гостей о местных нравах:

– Герта сначала жаловалась матери, что отчим бьёт, потом перестала. Там эта... там другое началось. Курт... а что

Курт? И не прятался даже. Кто ему Герта? – падчерица, чужая девка. А как понял, что мать догадалась, стал в открытую с девочкой спать. Когда и Латину из дому на ночь выгонял. Потом и Герта ему прискучила. Опять началось битьё. Мать с дочерью как-то помирились и дальше стали жить. Ходили за коровами, молоко продавали. Жениха бы Герте хорошего, да кто ж её возьмёт! Курт за ней ничего не давал. Та и пошла в казармы, жизнь-то всё равно кончилась. А теперь и вовсе кончилась.

В распахнутое окошко было видно, как толпа устремилась в ворота. Истошный вой отдалился и пропал. Площадь опустела. Куры ходили, радуясь, что никто не гоняет. Петух невозбранно взлетел на воз пшеницы и наклёвывал, свысока поглядывая на пеструшек. Прорезалось блеяние и мычание на заднем дворе.

– Девушку... кнехты? – мотнул головой в сторону городских ворот Игорь.

Трактирщик глянул на него исподлобья, пожевал губами и молчком снялся с лавки за веником. Но повозив мусор по полу, не выдержал:

– Зачем им-то? Тут другое...

– Синьоры?

– Нет.

– А кто?

– Чистюки. Что б им пусто стало! Нелюдей ловить понаехали.

– А разве аллари в ваших краях ещё остались? Мы сколько прошли от столицы, ни одной слободы не встретили.

– Живёте там? – подозрительно сощурился трактирщик.

Игорь сообразил, что столичные жители у того не в чести. Новостью это не было. Чем дальше от герцогского замка, тем настроения в народе становились радикальнее. Специально выяснять отношение к короне герцог Игоря не просил, само в глаза лезло. В каждом новом поселении центральная власть пользовалась всё меньшим и меньшим уважением.

В первые дни Игорь отмахивался, стараясь не замечать рассеянные тут и там гарнизоны, усиленную охрану городских ворот. От кого, скажите на милость, обороняться-то!? На месте поселений аллари зияли чёрные пустоши. Сун пару раз подбрасывал неудобные вопросы, замаскированные под простецкую глупость. Игорь уходил от ответа, копя внутреннее раздражение: зачем только взял с собой этого идиота!? Столько лет прожить в герцогском замке, в самом центре страны, и не понять самых простых вещей. Например: если есть законы – их необходимо выполнять. Иначе страна рухнет в хаос и безобразия. Но бывший раб продолжал недоумевать, отчего такие гонения на нелюдей.

– Тебе понравится, если шайки аллари станут по ночам врываться в дома и убивать людей? – как-то огрызнулся Игорь?

– Зачем? – искренне удивился Сун.

– Ну, чтобы отнять деньги, имущество... – Игорь переби-

рал в памяти, чем ещё могли бы поживиться нелюди в человеческом жилище, но уже и сам допёр, что, мягко говоря, проврался. На фига аллари людские манатки? Больше всего остального они дорожили тем, что перешло к ним по наследству. Чем старше вещь, тем она ценнее. Аллари считали, что в старых вещах заключена частичка души Предков. Какая-нибудь ржавая подкова для рода лошади была дороже золотой миски, из коей по праздникам ели отдельные, хорошо обеспеченные люди.

– А раньше почему они людей не зорили? – продолжал спрашивать Сун с невинным видом.

– Не знаю. Меня раньше тут не было.

Игорь оставил за собой последнее слово, и тут же почувствовал себя базарной торговкой, которой не истина важна, а перекричать товарку: «Я сверху – моя правда!».

В качестве утешения Игорь напомнил себе об воинственном Аллоре. Вольные кланы только тем и занимались, что убивали и грабили. И не чужие ржавые подковы, между прочим, промышляли, а полновесное золото, вот! Игорь уже хотел привести свой аргумент дворцовому птичнику, когда вспомнил: Аллор вёл бесконечную гражданскую войну. О внешней экспансии вольные кланы никогда не помышляли. Она была попросту невозможна при их-то раздробленности.

Как-то хмурым похмельным утром герцог завёл с Игорем разговор о гипотетической угрозе с востока. Начальник дворцовой стражи битый час переминался с ноги на ногу,

выслушивая аргументы синьора, постепенно приходя к выводу, что тот не приводит их, сообразуясь с имеющимся фактическим положением дел, а выдумывает. Сидит, головой мается, и сочиняет страшилку для подданных. Каково же было удивление Игоря, когда по прошествии года примерно он столкнулся именно с этой аргументацией в тайном послании Ария войскам.

Но сам Игорь к тому времени уже «уснул».

Сколько лет он так прожил: Пятнадцать? Или тридцать? Или сто? Без его ведома ушел в небытиё век аллари. Пришёл – людей: нищих деревень, пьяных гарнизонов, серых хуторов, окружённых скудными полями; сквознячных замков, перешедших из заботливых рук прежних, одушевлявших их синьоров, в человеческие, не знающие своего рода, родства не помнящих...

Он почти полностью забыл свою прежнюю жизнь, от которой осталось нереализованное желание вернуться. Порой он думал, что сие желание и сохранилось-то исключительно по причине своей трудной реализации. Обещание, некогда обронённое герцогом, походило на долгоиграющую кость. Сохранило вкус, цвет и консистенцию сомнительного деликатеса, но голода не утолило и никогда не утолит.

И вдруг проснуться! Да не враз, рывком – постепенно.

Началось в герцогском замке, когда читал голубиную почту, продолжалось всю дорогу из столицы в Мец, чтобы окончилось в мрачной пустой харчевне.

– Мы торговцы, – Сун вежливо улыбнулся трактирщику.

– Столичные!?! – спрошено так, что, давши положительный ответ, рискуешь огрести по роже тряпкой.

– Не-е-т! – отказались в два голоса гости. Игорь вынырнул из пучины сомнений и начал строить свой предполагаемый образ:

– Мы в столице проездом были. Прожили три дня, и... дальше.

– Бежите от кого? – подозрений у трактирщика прибавилось, он на всякий случай отодвинулся к стойке.

– Мы птицами торгуем. Товар распродали и в столицу завернули, погулять.

– А какими птицами? – не унимался хозяин постоянного двора.

– Разными, – исчерпывающе пояснил Игорь, подождал пока недоумение и подозрительность собеседника дойдут до высшей точки, и добавил, – моё дело за лошадью смотреть, обед готовить. По птицам у нас господин Сун.

– Мы голубей продаём, – лучезарно улыбнулся тот харчевнику. Прибавить сощуренные в непроглядные щёлки глаза и круглую, лоснящуюся физиономию – портрет афериста мелкого пошиба.

– Что-то я у вас ни клеток, ни сетей не видел, – в свою очередь сощурился трактирщик.

– Мой компаньон уже сказал, мы всё распродали и заехали в столицу, передохнуть.

– И какой голубь нынче в цене? – как бы безразлично вьелся собеседник.

На что Сун, не моргнув глазом, пустился в такие сложные и подробные объяснения, что вскоре не оставил у трактирщика ни тени сомнения в своей причастности к уважаемому птицеловческому бизнесу.

Трактирщик отлепился от стойки, подошёл к ним и уселся на соседней лавке, точно как в начале разговора.

– Дутыш в цене? О! А мохнатый камышник? А! Говорил я Приставке. На прошлой неделе заезжали купцы из Ларха. Не поверишь, по три марки за пару камышников гнули. А Приставка, дурак-то, кричит: бери, озолотимся. Я говорю, за такие деньги пять пар серышей взять можно. Он упёрся и денежки выложил. А не подскажешь мне, – трактирщик оказался на редкость осведомлён в птичьих делах, – отчего мода на камышников прошла?

– Плохо дрессируются. Красивые они, спору нет. Только как почтовиков их использовать нельзя, улетают.

– Да. Вот! Говорил я ему. Камышник – птица вольная. Стой...

– Да мы, вроде, никуда не уходим, – засмеялся Игорь.

На что трактирщик даже бровью не повёл. Моложавый рябоватый кучер уважаемого птицелова интересовал его не больше солонки на столе.

– Ты ещё что-то хочешь узнать о птицах? – вежливо склонил голову Сун, не спуская с лица торговой улыбки.

– Так вы может... это... привезли чего? Если пернатого зверя или смычковую змейку, я куплю. У нас без обману. А к другим лучше не ходи. Здесь в Меце нынче всякого сброда понаехало, только и смотри, чтобы не ограбили.

– Сожалею, любезный. Мы сами хотим купить.

– Заказ у нас, – влез отставленный от разговора Игорь, на что Сун гневно зыркнул в его сторону.

Начальник дворцовой стражи с некоторой даже оторопью отметил, как прикидывавшийся всю дорогу недотёпой бывший раб быстро включился в игру. Трактирщик же, услышав про заказ, весь подобрался. В глазках зажглось коммерческое ожидание.

– Что же вы такое ищите, что аж в наши края заехали? Халщедонника? Угревана?

– Мы ищем особенную птицу. А лучше пару. Но если не найдём пары и одну возьмём, – в голосе Суна появились интригующие нотки.

– Скажи, какие нужны? Если у меня нет, я тебе протекцию составлю. У моего свояка голубятня на весь Мец...

– Это который мохнача за три марки взял? – презрительно выпятил губу Игорь.

Рожа трактирщика налилась кровью. А Сун взял ложку и пристукнул ею по столешнице. На языке торговой гильдии это означало высшую степень недовольства купца своим подчинённым. Игорь замолк и даже скукожился на своём краю лавки, на противоположной ёрзал от нетерпения хозя-

ин трактира.

– Видишь ли, любезный, – понизил голос Сун, – мы получили приватный заказ от очень богатой дамы. Оч-ч-чень богатой... да... так вот, дама особо предупредила нас избегать огласки. Ты понимаешь?

– О! – рожа трактирщика расплылась вдвое.

Тут пахло не просто деньгами, а большими деньгами. Но стоило Суну произнести слово «горноста́й», из трактирщика будто выпустили воздух. Он вдруг заметил невидимые крошки на лавке, замёл их ладошкой, схватился за тряпку, бормоча себе под нос: «Ага, ага, как же, знаю, слышал...».

– Я тебе говорил, ни хрена мы тут не найдём! – выкрикнул Игорь, вскинув пальцы в неприличном жесте.

В отместку за пренебрежение он теперь делал вид, что трактирщика в упор не видит. Тот насупился, перестал собирать соринки и тоже крикнул:

– Иди, купи своих горностаев! Вот прямо от меня к медведю и топай!

– Не свисти! Лучше скажи, у кого «горностаи» «могут остаться, – не унимался рябой возница. – Мне верный человек говорил, что Мец своим голубям шеи свернул, и пирог из них испёк.

– Ага, взял трёх старых облезлых летунов и принародно казнил, а молодежь спрятал! – запальчиво прокричал трактирщик и только рот себе не зажал, сообразив, что непозволительно разболтался.

– Не подскажите ли, любезный, где? – вкрадчиво пропел Сун.

– Не знаю. Ничего я не знаю! Ничего не видел! Если донесёте на меня... я сам на вас донесу. Сузи! Ягнек! Алиска! Су-узи!

Но никто не прибежал и даже не откликнулся. Работники вместе с остальными горожанами пребывали за городскими воротами. Заполнивший своим тучным телом дверной проём трактирщик покричал ещё немного, качнулся бежать, но тут Сун вытащил из-за пазухи увесистый кошель и громко его встряхнул. Звон сначала оборвал крики, а потом и вовсе вернул скандалиста на лавку.

– Ты на нас донесёшь, мы на тебя донесём, а в выигрыше окажется... некто третий, – дипломатично намекнул Сун. – Не лучше ли договориться?

– О чём?

– Ты нам говоришь, где искать горностаев, а мы тебе платим полмарки.

– Пять.

– Ты с ума сошёл? – нахраписто возмутился Игорь.

– И заметьте, я вам не место укажу, а только человека, который то место может знать, – уверенно отговорился трактирщик от наглого гостя, который рыпнулся было спорить дальше, но был остановлен птицеловом:

– Мы согласны.

«Эх, мало запросил!» – сия мысль тотчас высветилась в

маленьких глазках хозяина харчевни, но было уже поздно. Заартачься, пожалуй, всё потеряешь.

– Пошли у других спросим, нечего ему столько денег отдавать. Подумаешь, знает он! – тихо бурчал себе под нос Игорь, пока Сун по одной выкладывал на стол монеты. Трактирщик собрал их в кулак, довольно покивал головой, а дураку вонизе доходчиво объяснил:

– Иди, спрашивай. Часа не пройдёт, как в Клире окажешься.

– Не обращай на него внимания, – посоветовал хозяину харчевни степенный Сун.

Эту комнату иногда убирали. В углу притулился полу обглоданный веник. Широкая корзина у порога с верхом была навалена мусором – вынести забыли. Да и веник облысел, похоже, не от работы, а от скуки. Под столом валялись корки хлеба и кости. Из углов несло удушливой вонью старой мочи.

Хозяин комнаты сидел за столом. В одной руке кружка воды, в другой – кусок серого хлеба. Откусывал, припивал, откусывал, припивал. Рыхлые крошки облепили блестящий подбородок. Шевелились толстые губы. На гостей он не глядел – подождут.

Карик-трактирщик долго водил птицеловов по улицам, сворачивая, где только было возможно в пустые тёмные щели. Провёл по краю площади, махнув рукой в сторону лоб-

ного места. Тут когда-то снимали кожу с двоюродного брата князя Ольрика. На другом конце площади, загороженное высоким забором, стояло здание Клира. Судя по добротной кирпичной кладке, борцы с колдунами не бедствовали.

В главные замковые ворота компания, понятное дело, соваться не стала. Обошли и пролезли в ветхую, болтающуюся на одной петле калитку.

– Обнищали медведи, – констатировал себе под нос нагловатый возница, на что Карик так же тихо отбрил:

– Заткнись, много ты понимаешь!

– Вижу, – не унимался Игорь, – жаль тебе нелюдей.

Ещё слово, и сами искать своих горностаев пойдёте! – объявил Карик.

На что Сун опять посоветовал ему не обращать внимания. Но тот уже заподозрил подвох, остановился и решительно полез за пазуху.

Игорь догадался, что трактирщик, невзирая на собственную жадность, сейчас вытянет из тёплого места монеты и кинет им под ноги. Но тут прямо на них из-за угла вывалила небольшая шумная компания пёстро одетых подвыпивших мужчин. В центре размахивал бутылкой долговязый парень в яркой куртке, старых полосатых штанах и разбитых опорках, куртка будто с чужого плеча. Он что-то рассказывал, заливаясь дурковатым смехом.

Оказавшийся в центре событий Карик замер, рука за пазухой, но сообразил поцарапать грудь, и вынул пятерню пу-

стой.

– Что встал на дороге! – развязно заголосил долговязый. Его дружок толкнул трактирщика, ещё кто-то добавил. Пьянь развлекалась.

Какое собственно дело было Игорю до скопидомного Карика? Да никакого! Ну, отпинали бы его. Однако в душе ворохнулось давно забытое чувство неприятия. Творящееся перед ним скотство поставило вдруг его на место человека. И до этого он присутствовал на месте. Да ещё на каком! Личный шпион герцога при исполнении – сволочь, которая, убивая при нём невинного, не поморщится. Совсем другое дело оказаться в шкуре человека. Просто человека, который терпеть скотства не способен.

Ближнему бузотёру Игорь больно отдал ногу, поймал в охапку Карика, а локтем между делом заехал в бок ещё одному. Никто не понял, как толстый коротышка оказался за спиной рябого.

– Не понял! – подтвердил общее недоумение долговязый. – Вы кто такие? Ну-ка, братва, держи их.

– Что тут происходит?

На дерущихся из-за угла шла третья сила – невысокий подтянутый мужчина, в котором Игорь заподозрил коллегу – начальника стражи или вообще капитана замкового отряда.

– Копыто! – изумился военный, опознав долговязого. – Ты почему шляешься по замку, тебе где велено быть?

– Подумаешь! Велено... мало ли где.

Вот тут-то Игорь насторожился по-настоящему. Вид у Карика стал такой, что доведись переиграть, он не то что помогать сомнительным купцам, на порог бы их не пустил. Он стоял навытяжку и чем дальше, тем бумажнее делался. И это несмотря на то, что пьяная компания уже скрылась за поворотом, а нагрянувшее строгое начальство не торопилось страшать. Стало быть, оно и молча могло нагнать страху. Игорь глянул на штаны трактирщика: ещё не мокрые, но уже вот-вот.

Военный постоял ещё немного, попытал Какрика взглядом, но, не добившись ничего, кроме общего трепетания, спросил на словах:

– С кем это ты, а, по замку разгуливаешь?

Лицо трактирщика быстро начало меняться от страха к отчаянию. Потом Карик весь мгновенно расслабился и явил уже совсем другого человека. Похоронил он их. Как есть, живо похоронил, понял Игорь. Трактирщик зыркнул напоследок – извиняйте, мол, – и доложил по всем правилам

– Пришлые. Отрекомендовались торговцами. А я думаю: подозрительно. Вот хочу их общественному коменданту представить. Вдруг да не те, за кого себя выдают.

Золото, должно быть, за пазухой нагрелось. С чего иначе Карик пританцовывать взялся. Но высокое начальство истолковало его поведение по– своему:

– Не ёрзайся. Коли воров поймал, получишь награду. Веди купцов к коменданту. Абаган нынче при деньгах.

В тоне военного сквозила неприязнь к означенному деятелю. Посмотрим, как карта ляжет, решил Игорь. Авось ещё сыграем на этой неприязни свою игру.

Пока беседовали, из-за угла вывернулся замковый караул, все в доспехах и вооружены, будь здоров, не чета пьяной гопоте. А трактирщик что ж? Поклонился и бочком, бочком на полусогнутых двинулся вперёд. Воины окружили подозрительных гостей, чтобы, значит, не отстал кто да не заблудился. Только когда потный Карик и торговцы вошли в трапезную, вояки отправились по своим делам, Карик подпёр один косяк, Игорь и Сун другой.

«Забыл, что есть из себя простая человеческая подлость, – думал Игорь. Не та, которая от внутренней природы, а которая от поганых обстоятельств. И рад бы трактирщик не попасть в такой наворот, а пришлось. Мается, поди. А с другой стороны, денежки запазуху греют. Вывернется, уйдёт живой и невредимый, посожалеет на досуге о невинно загубленных чужаках и тут же забудет, хуже, заставит себя не вспоминать, чтобы и дальше легко дышалось».

Толстый неопрятный мужик доел хлеб, выпил воду и брякнул кружку о стол. Руки у него тряслись. Сами по себе вздрагивали отёчные мешки под глазами и дряблые щеки в синих и красных прожилках.

Внутри у Игоря как-то всё вдруг всколыхнулось, отстоявшиеся слои начали волноваться и смешиваться, накладывая одни воспоминания на другие. Только утром всё было ясно

и понятно: они исполняют тайное поручение первого лица государства...

Миссия сильно поднимала Игоря в собственных глазах. Смешно, но она уравнивала его с теми, кто жил нормальной адекватной жизнью. Пусть даже адекватность эта состояла в ежедневном стоянии в переходах и при дверях или уборке битой герцогом посуды. Адекватность! Когда вместо со-сущей пустоты внутри повинность или рвение, или покорность, или неприятие. Хоть что-то, а не одно застоялое ожидание чуда.

Ждать, похоже, некого и нечего! Никто его никуда не отправит. Почему? Да потому, что он игрушка. Что для высокого герцога, что для похмельного борова коменданта.

Игорь поймал себя на том, что в единое мгновение дистанцировался от всех и от вся. Только Шак почему-то остался на прежнем своём месте. Хозяина? Друга? Дикого коня, не ведающего правил человеческого общения? Игорь отринул всех, кроме него, да, пожалуй, ещё Суна.

– Я давно за тобой смотрю, Карик, – прорезался комендант. – Всё подглядываешь, подслушиваешь... попался!

– Я, Ваша милость, с чистым сердцем. Вот подозрительных привёл. Голубями интересуются.

– Голубями, говоришь... а ты тут при чём?

– Так они у меня про голубей спрашивали, а я дай, думаю, отведу торговцев к господину коменданту, ему виднее.

Похмельный мужик пожевал губами, будто хотел и их

съесть, обсосал нижнюю и вприщур уставился на виновников:

– Кто такие?

Сун приветливо улыбнулся Его Неряшливой Милости, сложил ладони под подбородком, поклонился, сощурил без того узкие глаза и пропел:

– Мы честные торговцы, ездим, ловим или покупаем птиц, продаём. Ваша милость не должен опасаться. У нас есть все документы.

– Покажи, – потянулась грязная широкая как лопата ручища. Сун вытащил из маленького тубуса свиток. Комендант развернул скрученную бумагу, прочёл, – грамотный! – и издевательски хрюкнул:

– Торговцы? Да вы такие же птицеловы, как Копыто звездочёт. Подсылы! Шпионы! Вот велю вас пытаться, так ли запоёте?

– За что пытаться, Ваша милость! – взмолился Сун.

– За вредительство. Кто сено в запрошлом годе пожог? Вы! Кто на стене ратуши похабное слово написал? А? Что молчите? Тот-то! Вы! Кто молочницу убил? Горбашка! Горбан!!!

В грязный покой вбежал действительно горбатый неопределённого возраста мужик с длинными, чуть не до полу руками.

– Горбашка, отведи вредителей в подвал. Пусть с ними Макуша потолкует. Думаю, они девушку молочницу сегодня

ночью снасильничали и убили. Вещички их вели обыскать... нет, лучше, пусть сюда принесут. Я сам обыщу. О! И Карика обыщи. Что-то он у притолоки жмётся. Заначил уже денежки, вижу – заначил!

Комендант обладал зверской прозорливостью. Кроме того, прослеживалось что-то общее между встретившимися по дороге маргиналами и данным чиновником. Командир гарнизона отличался военной выправкой и некоторым даже благородством, комендант представлял из себя окончательное и полное быдло.

Кошель с марками, уплаченными за так и не полученную информацию, не замедлил себя явить. Комендант, довольно хрюкнув, выплюнул через губу:

– Десять плетей.

Горбашка сгрёб трактирщика за шиворот и потащил, как куль. Карик при этом не издал ни звука.

– Дождаться будем, пока он вернётся или сами всё расскажите, – прошамкал комендант, ковыряя грязным ногтем в зубу.

– Мы честные торговцы. У нас документы... – попытался продолжить игру Сун.

– Значит, подождём.

Лицо коменданта сделалось жёстким. Дряблые щеки затвердели. Глаза буравили недотёпистых преступников.

Игорь быстро прикинул, что так оно всё и будет. Пугать их комендант больше не намерен. Дождётся страшного Горбаш-

ку и сплавит упрямых шпионов в подвал. Герцог, чистоплюй хренов, завёл себе игрушечную камеру пыток и потихоньку туда бегает утолять нездоровое влечение. Здешние же хозяева творят всё в открытую. И потрошить подозрительных гостей будут на всю катушку, чтобы крики за городскими воротами услышали. То-то в Меце тихо да безлюдно. Попрытался обыватель от господ, среди которых первый – грязный похмельный скот.

– Мы путешествуем по особому поручению, – процедил Игорь сквозь зубы, выступая вперёд, Суна он аккуратно задвинул себе за спину.

– О, заговорил! Ты прописан в бумаге кучером. Кучер, значит... и какое поручение тебе дал Его Светлость?

– С чего, Вы, уважаемый, взяли, что мы от герцога? – постарался сохранить надменный тон Игорь.

– Не вынашивайся, сука! И руками не маши. Поручение он исполняет. Да я уже третьего дни знал, что приедут один рябой, другой жёлтый. Обмануть меня решили? Тайно свои дела проверить и смыться? Тут вам не столица, тут чужака за версту видать.

Игорю ничего не оставалось, как пойти на сговор с комендантом. Герцог запретил ему открывать истинную цель поездки местному синьору и только. Если он не попробует сейчас склонить коменданта к сотрудничеству, окажется в подвале, а оттуда может прямиком угодить на лобное место. Молочницу-то убили. А тут очень кстати случились приез-

жие. Усеки им головы, никто протестовать не чухнется, зато электорат по достоинству оценит усердие местной администрации.

– Ты прав, уважаемый, нас послали из дворца по весьма важному делу. Скажу больше, у меня очень большие полномочия. Не хотелось бы вступать в контакт с синьорами медведями, но если ты меня вынудишь – придётся. Не обессудь, я ведь могу представить наш разговор как недоразумение, а могу и иначе. Не пожалеешь после?

Реакция коменданта оказалась, по меньшей мере, странной. Он согнулся пополам и затрясся. Игорь не сразу разобрал, что тот смеётся. Отхохотал, поднял налитую кровью морду со слезящимися глазами и выдал, как гвоздь вбил:

– В подвал! Таких дураков только железом править. Нет, это точно вы девушку Герту ночью порешили. Сейчас Горбашка вернётся, и пойдёте на дыбу. Что вылупился? Больше-то вы ни на что не годны. Медведями он меня пугать вздумал. Знаешь, где твои медведи сидят? – у меня в заднице! И заметь, нос высовывают исключительно по моему личному соизволению. Представит он! Начитался в столице герцогских указов, думаешь и тут всё по-вашему? А того твой герцог не ведает, что есть другой закон. Мы, люди, его написали, а герцогским подтёрлись.

Комендант мог вульгарно блефовать, однако что-то подсказывало Игорю: не врёт. А значит что? Значит – дыба, а потом плаха. Игорь мельком глянул на Суна. Лицо у того

стало похоже на кусок серого воска. Глаза обречённо уставились в пол.

Сун-то тут причём! Он просто спутник. Его Игорь втянул! Но комендант разбираться не станет. Невинный? Всё одно – в подвал. За что? Да за компанию!

Оставалась последняя карта. Она же козырная. Она же, вполне может стать, подкинута герцогом пустышка. Перед самым отъездом Арий вызвал Игоря и между делом обронил, что Клир де блюдёт и бдит за всеми и вся. И за ними будет бдить. Таким образом позволять себе лишнего, Его Светлая Светлость Игорю не советовал.

– Именем герцога Ария, – жёстко заговорил рябой возница, – требую немедленно вызвать сюда легата Клира.

– А помер он, – развел руками комендант. – Что, не знал? Намедни с колдуном каким-то не совладал и окочурился в страшных муках. Нашли в лесу всего изломанного. Людям, думаю, такое не под силу. Ни одной целой косточки не было у любимого легата нашего по имени Широкопляс. Доплясался, стало быть. А колдун улетел, должно. Не нашли его. А уж искали! Весь гарнизон в лес выгнали. Чистюки мои и те в дело пошли. Капитан замкового отряда по сей момент особое положение не снял. Да вы, соколики, и сами видели: вся крепость воякам полна. А в Клире-то как убиваются, не могут бедные решить, кому в столицу с донесением ехать. Плохому вестнику-то и под топор недолго попасть, а могут и в легаты произвести, да вернуть, чтобы дальше верой и прав-

дой служил Его Светлости. Сам понимаешь, никому неохота между двух жерновов попасть. Заперлись наши клирники, и выбирают гонца. Боюсь, если пошлём к ним нарочного, не отопрут.

Тон у коменданта был такой, что картинка местных событий открывалась с точностью до наоборот.

Игорь сдался. Шагнул и присел на край лавки. Врёт – не врёт, правда – не правда, он будет потом разбираться. На данный момент надо было как минимум остаться живым.

– Умыл ты меня.

– Ха-ха! Я тебя ещё не так умою, коли не расскажешь мне как на духу, зачем пожаловал.

– За голубьями.

– Э нет, так дело не пойдёт. Горбашка!

Да погоди ты, нас действительно послали найти и привезти голубей. Горностаи герцогу занадобились. Я начальник дворцовой стражи Игор. Сун – главный птичник. А дальше можешь пытаться нас, можешь на плаху отправить, толку не добьёшься. Ничего иного мы не знаем.

Горбашка сунулся в дверь:

– Звали, господин Абаган?

– Погодь маленько, коридор попаси. Я позову.

Горбашка нехорошо усмехнулся и юркнул за косяк. Комендант Абаган насупил брови, глянул по очереди на обоих гостей, пожевал толстыми губами и изрёк:

– До завтра посидите в подвале. Темно там и голодно, а

ещё одиноко. Только, думаю, вы тому одиночеству рады будете, как маме. Всё лучше на пару лишаться, нежели в компании с Горбашкой. Обижу я первого своего товарища. Они с Макушей вас уже, наверное, поделили кому кого. Ради дела обижу. Веришь? Отвечай!

– Верю, – покорно согласился Игорь.

– Люблю умных, хоть ты и дурак. Ладно, посиди до завтра, а там видно будет.

С виду не скажешь, что Горбашка был чем-то так уж угрожающ. Скорее, наоборот. Игорю показалось, что он торопится. Почти бегом загнал их в тесный подземный казематик, велел сидеть и не рыпаться, захлопнул дверь и, побренчав с той стороны ключами, забухал сапогами по коридору.

Местечко им отвели препоганое. Пять шагов от стены до стены что так, что так. Сверху из неровных щелей сочился тусклый свет. Стены поблёскивали подвальной испариной. На нарах кучей лежало старое тряпье вперемежку с соломой. Игорь потрогал волглую стену – мокро и скользко, – отёр руку о штаны и обернулся к товарищу:

– Как будем выбираться?

Но тот вместо ответа прижал ладонь к губам. Игорь только рукой махнул. Битый жизнью, склонный к преувеличениям, бывший раб напуган. Игорь вот не очень. Зачем-то их в подвал засадили, значит, не собираются убивать. Подождём до завтра. Прав Абаган, там видно будет. Но поговорить хо-

телось до зубовного скрежета.

Против всякой логики Игоря не плющило. Тревога, да, присутствовала. Скребло внутри. Они, получается, попали, как слепые кутята, в полыню. Нёс хозяин к матке покориться, а по дороге скинул с рук докуку. У хозяина было муторно и сонно, Нна воле стало холодно и страшно. А завтра может стать больно и даже очень больно.

Сун ссутулился на нарах. Игорь разгрёб мусор, кинул на гнилые доски какую-то тряпку и тоже уселся. Хорошо, успели позавтракать. До утра им есть не дадут. Попить бы. Но Горбашка не озаботился принести воды, а, может, приказ получил, не поить шпионов. Пусть-ка помяются.

Сидеть на краешке было и неудобно, и нелепо. Игорь, махнул рукой на грязь и, как пить дать, обитающих тут насекомых, глубже забрался на нары и прикорнул. От полусвета и тишины веки смежились сами. Последним сполохом явилось удивление: Сун настороженно припал ухом к стенке. Бросил бы до времени страдать. Игорь уже приготовился высказаться, да не успел, накрыло сном.

А когда проснулся, тишины и в помине не осталось. Товарищ стоял на нарах, вытянувшись к окошку. Оттуда несло скандалом.

Пошли! – гремел чей-то пьяный бас. – Отмудохаем клирников. Наливай.

Для храбрости, должно быть, решил Игорь. Что значит выпался – хандру как рукой сняло. Её место заняла весёлая

нервозность. Спал себе, спал без малого двадцать лет под боком Его Бледной Светлости. Совсем уже было потерял интерес к жизни, даже домой перестал проситься, а тут случилось. Завтра, впрочем, может случиться ещё почище – потянут на лобное место, так ли вспомнишь покой герцогского замка? Во дворце, конечно, тоже имелись некоторые аспекты: башня, например, или комнатуха в подвале с немymi охранниками. Но ты-то ходил оприч, вне, и краем не задевая нехорошие закоулки. Не оттого ли, что душа обленилась? Ну, бегают герцог, получать свыше инструкции. Тебя непосредственно это не касается. Твоё дело караулы разводить. Ну, свели в каземат пару тройку нарушителей герцогской воли, это про которых ты знал, а неизвестных сколько, – но ведь не тебя. И бабу твою, которая на сегодняшний день постель греет, и пока не надоела, никто не трогает. А надоела: прости, прощай, красотка. До свидания, давай дальше сама.

У скользкой казематной стены мыслительный процесс вдруг пошёл в два слоя. Воспоминания о замке бежали фоном. На первый план вышла пьяная беседа чистючков, которые устроились на один подвальный этаж выше. И получалось: тут на краю возможной гибели – жизнь, а там, в покое замка – малая смерть.

– Пошли к клирникам! – опять взревел дурной бас. На что ему резонно, однако, сильно пьяно заметили, что за Клир может вступиться гарнизон.

– Никогда! – категорично отбрил бас. – Они со страху обгадились. Такой силы чистюков сроду вместе не собиралось. Мы их – одним...

– Баган не велел до времени высовываться, – перебил кто-то третий.

– До какого времени? Кто мне то время укажет? Пошли к Багану...

– Мы только от него, – сказал более трезвый голос. – Лютует господин комендант.

– Господи-и-и-н! – передразнил бас. – Он такой же господин как я князь Мец. Господин... сука! Загрёб всю власть. Давно бы медведей перерезали. Нет – ховаемся по подвалам, указаний ждём. Сколько их ещё ждать? Я тебя спрашиваю!?

– Ты сильно-то не ори. К Абагану капитан замкового отряда пришёл с кнехтами. Толковище наверху. Те думают, что это мы девчонку ночью подловили...

– Ну и подловили, так что? – опять взревел бас. – Пусть докажут.

– Они доказывать ничего не станут. Услышат тебя, спустятся в подвал и приколят всех к стенам, как бабочек.

– Да я им...

– Положи топор! Слышь, своих покрошишь. Налейте ему, чтобы уже вырубился.

Дальше пошли крики, бульканье, какие-то ещё уговоры и, наконец, громкое падение тела с лавки. Хоть потолок и каменный, а всё равно было слышно, как вырубился упоён-

ный дурной бас. Потом его волокли. Игорь и Сун приникли к стенке. Оконце под самым потолком давало очень мало света, зато много звука, будто за бумажной переборкой сидишь. Игорь с уважением покосился на товарища. Не зря тот помалкивал.

Беседа наверху возобновилась. Когда угомонился рехнутый бас, разговоры пошли более степенные – о том, о сём. Вспоминали дом, кто помнил, конечно, потасовки, пару раз – нелюдей. Тут в собеседниках присутствовало полное единоголосие: под топор!

Всё правильно, извинил чистюков Игорь: люди – сами по себе, нелюди – отдельно, как мухи от котлет.

А я кто, в том смысле – в которой тарелке пребываю? В той, где чисто, тихо и сытно, или в той, где роятся чёрные навозные жители, выдирая мохнатыми лапами друг у друга крошки?

Что за бредь! Себя-то я с какой стати начал по тарелкам раскладывать?

Наверху в полголоса обсуждали ночное происшествие. Оказалось, это бас с Копытом девушку подкараулили.

– Хотели как люди, – оправдывал товарищей один из собутыльников, – а она упираться. А Копыто, знаешь? Ага, вот... он же бешеный делается, если, что не по нём. Он, помнишь, в Мордунах, ну, когда нелюди в слободе заперлись, а из загородки колючки полезли? Копыто ребятишек в деревне наловил, поставил перед воротами слободы и давай резать. От-

крывайте, кричит, кровь на вас ляжет! Я из-за вас человеческих детей убиваю. И, представь, открыли. Тут уж он погулял. Всё искал дриаду, которая колючки напустила. Только она как в воду канула.

– Поймаешь её, как же! Они, падлы, глаза умеют отводить. Только что была, моргнул – на этом месте лес стоит.

– А у нас в деревне была одна, – вступил в разговор доселе молчавший собеседник. – Такая... а уж бабы за ней гонялись – страх. Всех мужиков в деревне расповарила: бегают к ней и бегают. Жены, конечно, в рёв, в крик, за ухваты. А она – раз, и нет её. Но и поля родили, такого ни до, ни после никто не помнил. И красивая...

– Сам, поди, к ней бегал? – вкрадчиво спросил давешний рассказчик.

– Я тогда ещё мальчишкой был, маленький совсем. А думаю, дриад трогать нельзя. От них никакого вреда – одна польза. Смотри, погнали их из герцогского домена, куда урожай пропал? Люди с голоду пухнут. Нет, я не против, чтобы аллари на нашей земле не было. Земля – для людей. Но дриадок надо оставить. Как без них?

– Тогда и коней трогать нельзя. Поселится конь рядом, и у тебя скотина в рост пойдёт. Или быки. Возьми быков... Когда у нас в соседской слободе коровья семья сидела, вся округа молоком заливалась. А сыры какие были. Помнишь, малой, какой сыр моя матушка варила? Пальчики оближешь.

– Вас послушать, раньше всё лучше было, – снасмешни-

чал молодой голос. Чего тогда вы эту кашу заварили? На фи-га погнажи нелюдей с места? Жили бы себе, да жили.

– Что, на фига?! Что, на фига?! Я тебе покажу на фига! Свобода! Понял? Ты под нелюдями не жил, сопляк. Тебе не понять, каково оно, скотине кланяться.

– А я слышал, они справедливые были. И герцог тогдаш-ний...

– Слово ещё скажи, и я тебя как есть Абагану, господину нашему и наставнику, в мешке снесу. Пусть разбирается. А может, ты тайный подсыл нелюдей? А? Признавайся.

– Уймись, Горбашка, тебе бы только шпионов ловить. Нормальный он парень, я его в деле видел. Тока молодой, старых времён не помнит. Слышь, Горбан, плесни ему, а и всем плесни. Помянем братьев наших, которые на западе по-гинули. Свист, Картуша и Багнюк... хорошие были чистюки. Ни один нелюдь от них не ушёл.

– Видать не такие хорошие, коли их косточки по западным лесам разметало.

– Это которые арлекинов ловили?

– Ага. Не повезло им. Нарвались, так нарвались. Нелюдь, он же что, он крови не любит. Те, которые на востоке живут, одичали, а местные домашние были.

– И на западе они встречаются? – спросил молодой.

– Мало. Редко где семья живёт. Там люди в основном.

– А нелюди, которые товарищей наших подлой смертью убили, получается из восточных кланов? Тогда как они на

запад попали? – настырно тянул молодой.

– Думаю, а и господин наш Абаган так же думает, что те нелюди, которые по западу разъезжали, да всем докладывали, что они на фест собираются, никакие не арлекины. Шпионы аллорские! На востоке узнали, что у нас тут заваруха, вот и хотят с западным сателлитом договориться, чтобы сообща напасть. Герцог наш нынешний, хоть и мозгляк, а тоже сообразил, откуда ветер дует – отправил на границу Камисера армию.

– Брехня, – категорично заявил против всяких ожиданий проснувшийся бас. Спать же должен, как колода, но, видать, силён мужик. И часа не прошло, как свалился, а уже на ногах и даже спорит.

– Сам подумай, зачем посылать войско на запад, если оно на востоке нужно? А? То-то! Продал нас герцог.

– Кому?

– Аллору и продал. В тамошних кланах, знаешь сколько золота? О-го-го! А воюют они как? В страшном сне не приснится, что они с собственными детьми делают, когда воинской науке обучают. Если они на нас повалят, никакая армия не устоит.

– Да, ладно тебе пугать-то.

– Я вот помню, – заговорил тот, который просвещал товарищей про повадки нелюдей, – коня одного из вольных. Точно, в арлекинах он ходил. С ним двое или трое людей бродяжили. Их не помню, давно было. А его... как перед глаза-

ми стоит. Прикинь, поднял валун пудов семи и пронёс через всю площадь.

– Врёшь!

– Когда я врал!?

– И зачем он тот валун тягал, потеха что ли у них такая?

– Нет, там Божий суд судили. Тогда Клир только-только утверждался, и законные колдуны ещё люто дело справляли. Кто-то возьми и укажи на людей-арлекинов, дескать – колдуны. Конь говорит, Божьим судом докажу, что они чистые. Тогда другой конь, местный, вышел, давай, говорит, доказывай. Пошли к мировому камню. Местный конь камень поднял и три шага пронёс. А каменюка, я вам скажу, на неё смотреть страшно, не то что с места своротить. Тогда конь-арлекин выходит, поднял камень и через всю площадь унёс. Чтобы, говорит, каждый раз, как на человека поклёп в колдовстве возводить начнёте, Божий суд вспоминали.

– Что-то я смотрю, среди вас заступник на заступнике собрались. Один молочные реки поминает, другой, что конь людей от Клира спас. А третий по молодости слушает, да на ус мотает. Говорите, говорите: и добрые-то они, и сладкие. А меня медведь на конюшне велел до смерти запороть. Не убеги я, давно бы в земле сгнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.